

84(2Рсс=Рс)6-4
В 58

10K

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ОГНИ
КУЗБАССА**

№ 7

2004

Валерий Власов

**Записки
внукам**

Издательство
«Сибирский
писатель»

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

003520

84(ЗРссзРус)6-4

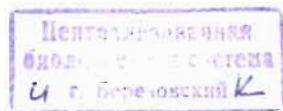
В 58

Валерий ВЛАСОВ

ЗАПИСКИ ВНУКАМ

А
-142996-

КЕМЕРОВО
КУЗБАССВУЗИЗДАТ
2004

ББК 84.3Р7

В58

Власов В.

В58 Записки внукам. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 99 с.
ISBN 5-202-00708-6.

ISBN 5-202-00708-6

© Власов В. Г., 2004

© Издательство «Кузбассвуиздат», 2004

От автора

Сдано в набор — на седьмом десятке.

Откорректировано — временем.

Объем — страница на один год жизни.

Формат — не выходит за пределы Западной и Восточной Сибири.

Печать — возвышенная.

Заказ — душевный.

Авторские права — пополам с предками.

Перепечатка — возможна в любой точке бывшего Советского Союза на языке любой национальности.

Тираж — 4 экз. (рукописи, подаренные внукам в 1999 г.).

Цена каждого экземпляра — определится со временем.

Аннотация — желание одного деда сохранить память и передать своим внукам кое-что об их сородичах, об их делах, жизни, судьбе, и поделиться своими собственными мыслями и думами, возникшими в результате собственной прожитой жизни: Минусинск — Томск — Кемерово.

опыта предыдущих поколений, а может быть, просто сохранили память о прошлом, что, несомненно, ободрит и поддержит и их самих в будущем.

Без знания своей предыстории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу.

Хочется, чтобы внуки из рук деда, лица, весьма заинтересованного в их счастье и благополучии, совершили путешествие на 60—70 лет назад и ощутили цвет и запах, если уж не аромат того времени, которое создавало и формировало наше поколение, а следовательно, имеет какое-то отношение и к ним, ибо и в них незримо присутствуют родовые черты длинного ряда предков, к сожалению, малознакомых.

Отношение деда к внукам значительно отличается от отношения к своим детям. Дети появляются, как правило, когда ты сам находишься в начале своей трудовой жизни, ты ещё растешь и духовно развиваешься, делаешь карьеру, узнаешь людей, думаешь о сегодняшних и завтрашних проблемах, решаешь массу текущих дел. И дети, при всем этом, как ветви у дерева, растут и формируются вместе со стволом, они ещё очень близки к нему и составляют с ним почти неразличимую общность — крону.

Внуки же, как плоды у дерева, появляются, когда оно уже находится в своей зрелой поре и готово спокойно поглядеть и полюбоваться на результаты своей жизни, поразмышлять и, отстранясь хотя бы на время от мирской суеты, подумать о плодах и будущих урожаях, а заодно и вспомнить о своих корнях и почве, за счет которых и на которой вырос ты и будет развиваться твоя родословная.

Эти записки пишутся по прошествии целых десятилетий после описываемых событий, на определенной исторической дистанции, когда уже можно что-то проанализировать, сделать свои собственные выводы, пережив и обдумав этот очень непростой период жизни твоего народа, но при этом период свой

Дарья Григорьевна и Василий Васильевич Сметухины. 1898 год

собственный, отпущенный тебе твоей судьбой, но который для моих внуков уже будет являться историей, как для меня была турецкая или японская война.

Уже многое, даже на моей памяти, превращается в историю, а для внуков и правнуков всё это в ускоряющемся потоке времени будет древним и экзотическим, но через деда может стать более близким и интересным. Что было, видели деды, что будет, увидят внуки.

Эти записки — не тоска по прошедшему и не сожаление о прожитых годах. Наоборот, это реальная оценка значимости всей жизни, всех её периодов. Они все прекрасны, если в жизни есть главный стержень — любовь к своему роду и уважение к своим предкам и будущим поколениям.

В детстве твой город, село, поселок, даже район в городе — это совсем другое, чем этот же город и поселок для взрослого человека. Для взрослого место жизни уже не главное: у него работа, заботы, планы, интересы. Он уже знает другие города, столицы, наверняка даже более прекрасные, с золотыми маковками.

Для ребенка же место его рождения и жизни — это пока всё. Именно здесь начинается формирование его сущности, первых его представлений об окружающем мире. Другие города, столицы, страны — это пока что-то нереальное, несуществующее.

Все мы выходим из детства — этой, действительно, единственной для всех обетованной земли, свет от которой продолжает изливаться на человека всю его жизнь.

Прожив большую часть жизни, начинаешь понимать, а скорее ощущать, с одной стороны, кратковременность, а с другой стороны, необъятность человеческой жизни, сжатость нашей истории и близкое соприкосновение, казалось бы, далеко разошедшихся во времени поколений.

Действительно, мой отец, Григорий Михайлович, родился в конце XIX века, а мой внук Данил — в конце XX века, а будет жить в XXI векс.

Моя бабушка, Дарья Григорьевна, родилась в 1873 году, когда живы ещё были и Достоевский, и Лев Толстой, Герцен и Чер-

нышевский, пережила несметное число войн и революций, трех царей: Александров II и III, Николая II, Временное правительство, Ленина и Сталина, коллективизацию и индустриализацию, запуск спутника и человека в космос, хрущевскую оттепель и закончила жизнь в начале того периода, который затем назовут застойным. Детство и юность я почти постоянно был с ней, она много рассказывала о том, как хорошо они жили в своих Очурах на Енисее, какая хорошая была в то время жизнь, как все было дешево. У них в Очурах был свой двухэтажный дом, первый этаж они сдавали под заезжую (заезжий дом) и её обслуживали. Её муж Василий Васильевич Сметухин был «образованный», работал на строительстве Кругобайкальской железной дороги и там погиб. Бабушка говорила, что у него был наган. Это я запомнил. После его смерти бабушке были высланы его вещи, в их числе — коллекция камней. Эти камни лежали, как сейчас помню, в небольшом красивом жестяном ларце, и бабушка изредка, по моей просьбе, доставала и показывала их. Камни были различной величины, цвета, оттенков, формы. Здесь же у неё было несколько царских золотых монет, а также другие семейные реликвии (несколько фотографий, грамоты, украшения).

Меня почему-то всегда интересовали и волновали старинные вещи, особенно те, которые имели отношение к моим предкам, были им дороги, играли какую-то роль в их жизни и памяти. Поэтому всегда интересны семейные реликвии, старинные фотографии, даже какие-то безделушки, оставленные в сундучке или коробке из-под елочных игрушек.

Глядя и перебирая их, каждый непроизвольно начинает ощущать свою связь и причастность к прошлым временам, задумываться о той длинной цепочке предыдущих поколений, которая дошла до тебя, а потом побежит дальше.

У них в Очурах была библиотека, которую дед собирал, а после его смерти бабушка её продала в Мартыановский музей в Минусинске. Книги, по её словам, увозили на двух подводах. Сама бабушка родом из Тобольска. Девичья фамилия Русакова. Её отец был ямщиком, семья занималась извозом. Она была без-

грамотная, но здоровьем и красотой Бог не обделил. Она никогда не бывала в больницах и, вспоминая те годы, когда чувствовала себя достаточно прилично, часто говорила: «Где мои 75 лет?».

У неё была хорошая память, и она знала безграничное количество пословиц. Мы иногда всей семьей от души хохотали, когда она, как будто бы даже не участвуя непосредственно в разговоре, откликалась и комментировала, а фактически ставила последнюю точку над «и» в обсуждаемой проблеме, приводя всегда очень кстати выбранную из своей базы данных самую нужную пословицу. Я собирался записывать её пословицы, но, увы, так и не собрался. Помню лишь некоторые:

- «С лысенькой родился, с лысенькой и помрешь»;
- «Как рожены, так и заморожены»;
- «Родила кошка котят, как хотят»;
- «Разорвись хоть надвое, скажут: почему не начетверо»;
- «Слава тебе, Господи, и солнышко село»;
- «Скучен день до вечера, коли делать нечего»;
- «Дал бы Бог помолодеть, знал бы, как состариться».

II. ДО ВОЙНЫ

Мое детство совпало с Великой Отечественной войной, я пошел в первый класс в 1942 году. Годы войны по меркам любых времен, несомненно, относятся к самым суровым и жестоким испытаниям человека, но, тем не менее, в памяти с каждым годом они вырисовываются все с большей силой и чувством успешно и достойно (без шпаргалок) сданного экзамена, когда всё плохое и тяжелое стирается, тушется, а в памяти остается лишь то, что входит в актив человека и остается с ним на всю жизнь (понимание необходимости постоянного труда, активности, роли коллектива в жизни русского человека, стремление к достижению поставленной цели, преодолению трудностей и неудач).

Хотя до войны прожито мною 7 лет всего, но война, тем не менее, как бы поделила жизнь на части: до и после войны. Вой-

на — это годы тяжелейшего выживания и ожидания конца этого мрака, холода, голода, ожидания Победы. В Победу верили всегда, но все почему-то думали, что она должна была прийти раньше, чем она пришла на самом деле.

Видимо и поэтому довоенные годы в памяти предстают как что-то светлое, сытое, праздничное. К началу войны народ, во всяком случае наша семья, жила уже в достатке. Отец и мать преподавали в школах, бабушка управлялась дома, Виктор — школьник, я ходил в детский садик. Отец заочно учился в Красноярском пединституте, последние годы уже работал директором школы. Я помню его молодым, высоким, представительным, веселым. У нас дома часто собирались гости: мать с отцом играли на гитаре и балалайке и очень хорошо пели. Помню хоровые песни, так что у меня даже мурашки по спине бегали. Пение было красивое, распевное, широкое. Иногда приходил и наш знакомый баянист Овсянников. Собирались в основном учителя: Жбановы, Кейкули, Полежаевы. Правда сам Полежаев был капитаном и плавал на пароходе по Енисею. Приходила одна наша знакомая, работавшая в Мартыановском музее, помню её рассказы про раскопки курганов в Хакасии, в которых она участвовала каждое лето.

Мать перед самой войной ездила в отпуск в Ялту. На фотографиях — красивая молодая женщина на берегу моря в компании таких же молодых женщин.

Мои родители после войны как-то сразу стали уже пожилыми людьми, хотя матери в 45-м было всего лишь 40 лет. Это уже были люди, пережившие годы физических и моральных лишений, хотя на фронте наша семья из самых близких не потеряла никого. В 43-м погиб лишь дядя Миша, самый младший сын моей бабушки по отцу Александры Денисовны. И с прихода похоронки она семь лет лежала разбитая параличом. Но об этих годах чуть позже.

Наша довоенная квартира. Мы занимали половину крестового дома: большая кухня с «русской» печкой и плитой и очень большая комната в пять высоких окон, светлая, высокая, с хо-

рошей мебелью. Запомнились изящные, гнутые «венские» стулья, комод, старинный большой письменный стол отца, оленины рога, ружье и ковер на стене. У моей кровати висела картина под стеклом, где была изображена молодая женщина, купающая ребенка в ванне. Лишь после я узнал, что это была репродукция картины Кустодиева «Утро».

Отчий дом. Угол улиц Гоголя и Городчанской

Вечером семья собиралась за круглым столом под лампой. Отец готовился к сессиям, мать проверяла тетради, Виктор готовил уроки. Я ещё в то время не учился. У бабушки в кухне была своя лампа, поменьше. Керосиновая лампа — это был центр, очаг семьи, возле которого проходила большая часть жизни всей семьи, особенно в зимнее время. Керосин, фитили, ножницы для обрезки нагоревшего фитиля, прикуривание от лампы, зажигание бумаги для растопки с целью экономии спичек, бумажные абажуры на стекло для улучшения освещения, чистка стёкол —

всё это неизбежные и очень важные атрибуты жизни той поры. Зажигание лампы всегда было связано во времени с закрытием окон, а ставни, в свою очередь, запирались засовами, которые с внутренней стороны (из дома) защелкивались щеколдами, висевшими на веревочках возле отверстий, куда входили засовы. Зимой эти отверстия закрывались специальными затычками из ваты и материи от проникновения холода. Они также висели тут же на веревочках. Утром процедура открытия окон повторялась в обратном порядке.

Во дворе с нами жили ещё две семьи: одна — во второй половине дома, вторая — во флигеле. У каждой семьи был огород, стайки. Во дворе была большая общая каменная завозня с погребом, где все хранили продукты и многое другое. Эту завозню после войны городские власти разобрали на камень, а погреб завалился. Был общий колодец, уставленный десятком бочек, в которые утром и днем набирали воду, чтобы она согрелась, а затем вечером поливали помидоры и др. овощи.

У нашей стайки на цепи жил Жульбарс, большая овчарка. Я, ещё совсем маленький пацан, со страхом подходил к нему, он рвался ко мне пообщаться, как к хозяину. И я, пересиливая страх, как загипнотизированный, шел к нему, он вскидывал свои лапы ко мне на плечи, и его раскрытая громадная пасть была выше моей головы. Было страшно, и сердце билось в груди, но было и очень интересно это общение с таким большим зверем.

Только в детстве приходится совершать «поступки» в наиболее чистом виде, делать что-то в первый раз и при сильном эмоциональном подъеме: подойти к лошади и погладить ей морду, прыгнуть с пятиметровой вышки, переплыть первый раз Протоку, залезть на кедр, скатиться по очень опасной лыжне, рискнуть малыми силами пойти через территорию своих постоянных соперников, а следовательно, быть готовым к драке.

Зимой 41-го Жульбарса пришлось отдать в колхоз сторожить что-то, т. к. кормить его уже было нечем. Я плакал, когда его привязали к саям и потащили по Городчанской улице в сторону Городка (село недалеко от Минусинска).

Что ещё помнится из довоенной жизни?

Помню, как меня возили в баню на санках, в большой ванне. Я, укутанный во что-то теплое, лежал и смотрел в небо на звезды. Они были почему-то очень яркие, и их было очень много. Наверное, в то время у меня было ещё хорошее зрение. Санки скрипели, скользя по снегу, а я, не глядя на дорогу, очень хорошо представлял весь путь, зная все повороты, спуски и подъемы: сначала по Гоголя, затем поворот на Оборону, переезд через улицу Ленина, затем Пожарка, театр и — напротив электростанции — наша единственная городская баня с мужским отделением на первом этаже. На втором этаже было женское отделение и несколько номеров. При бане была парикмахерская, куда мы, ребяташки, бегали подстригаться «наголо» до самых старших классов. Здесь же был буфет, где продавали пиво и квас. Мороженое до войны продавали, выдавливая его из металлического стаканчика, как из поршня, куда его накладывали ложкой, с двух сторон обложив вафельными кружочками. Приятно было, взяв пальцами за вафельки, лизать мороженое языком по всей окружности, пока кружочки не соединялись друг с другом. А потом съедались и они. Когда появилось мороженое после войны, не помню.

Перед войной меня водили в детский сад, который находился на Соборной площади возле редакции газеты «Власть труда», напротив Мартыановского музея. Летом за мной приходил Виктор. На обратном пути ему всегда хотелось поиграть в волейбол. Здесь же на площади были волейбольные площадки. Он меня усаживал на скамейку, а сам становился играть. Ждать мне долго надоедало, я куksился и просился домой, но, видимо, любовь к волейболу осталась на всю жизнь. Через Виктора пришла любовь и к футболу, и к шахматам. А может быть, это была эпоха футбола и шахмат. Все парни ходили увешанные значками «Осовиахима», ГТО, БГТО и др. Кстати, мать говорила, что отец в молодости тоже любил играть в футбол. Неплохо он играл и в шахматы, преферансист же он был отменный.

Помнится парашютная вышка на стадионе за Протокой. После войны этой вышки уже не было, и не знаю, когда её убрали. Но помню место, где она стояла.

Город на Протоке. Минусинск

Очень хорошо помню запуск планеров. База «Осовиахи-ма» была по улице Обороны, буквально один квартал от нашего дома. Там в ангарах хранили планеры. Запускали их зимой на льду Протоки, а летом возле стадиона. Две шеренги людей натягивали резиновые канаты, затем планер отцепляли, он разбегался и взлетал.

До войны колоритной фигурой в городе был водовоз на телеге с бочкой воды. Воду возили прямо с Протоки. Водовоз заезжал на лошади поглубже в воду прямо на нашем взвозе по Городчанской улице, наливал черпаком воду в бочку и развозил по домам в обмен на талоны. В войну и после войны водовозов уже не

было, воду доставляли сами. Году в 48—49-м кое-где стали появляться водопроводные колонки. От нас ближайшая была по ул. Ленина, возле Трусовых, и мы туда ездили за водой на тележке.

Река в то время играла большую роль в жизни людей, а особенно, ребятишек. Во-первых, рыбалка. Хотя это уже относится к послевоенному времени. У меня был друг, Генка Бедристов, заядлый рыбак. Я, кстати, рыбалкой не увлекался, но он меня с вечера уговаривал, я соглашался, но утром просыпаться так не хотелось. А он приходил и будил меня, а я летом спал или на сеновале, или в пристройке возле дома. Приходилось вставать и тащиться на Протоку. Рыбачили, как правило, с плотов: отпускали наживку на поплавке вниз по течению и ждали поклевки. Генка ловил всегда больше, чем я. Но это был заядлый и профессиональный рыбак. Кстати, он хорошо играл и в футбол. И всегда играл на краю, тогда как я чаще играл в центре или полусредним, он же был только «край».

Купание и загорание также было на плотях, ими были заставлены почти все берега Протоки. Ныряли с гребей, раскачиваясь на них и подлетая высоко над плотом. Гребни — это большие весла, которыми плотогоны управляют при перегоне плотов с верховьев Енисея, особенно при прохождении порогов, главные из которых сейчас накрыты морем. Как правило, на плотях было два гребя: впереди и сзади плота. С плотов же женщины полоскали белье (зимой белье полоскали в прорубях). К осени плоты разбирали и развозили либо на пилораму в артель «Молот» за Протокой, либо на постройки, либо просто на дрова. Часто здесь же, на берегу, брёвна пилили на чурки, хорошо пахло корой, опилками, рекой.

Городские достопримечательности тех времен: базары, стадион за Протокой, Красный мост, пристань, горсад, клуб «Динамо», музей Мартыанова, кинотеатр «Енисей», дом Вильнера. Дом Вильнера — это было единственное трехэтажное здание в городе, казавшееся очень большим и красивым. На первом этаже в нем располагались аптека, сберкасса и ряд других учреждений. А сбоку здания, с северной стороны, большими буквами

была сделана надпись «Вильнеръ» с «Ъ» на конце. И сколько бы эту надпись не забеливали, она, немного спустя, всегда проступала и была хорошо видна издали.

Дом наш стоял на углу улиц Гоголя и Городчанской, которая шла от Протоки возле школы № 10, куда я ходил первые четыре класса, Заготзерна, пивзавода к горсаду и затем возле загородной больницы, пересекая несколько раз речки Минусинки, в село Городок.

В то время в Минусинске протекало три речки Минусинки. Одна через Пашенскую мельницу и возле Красного моста (это был старый деревянный мост красного цвета) впадала в Протоку. Вторая протекала от Кузнечных рядов, пересекала Городчанскую и Гоголя. Третья протекала через горсад. Сейчас из трех Минусинок осталась только одна — последняя.

Речки Минусинки имели колоссальное значение в жизни любого пацана и зимой и летом. Зимой они, покрываясь наледью, превращались в отличнейшие катки. Летом это были места для купания, когда ещё в Протоке вода была холодная, а также катания на самодельных плотках, сооружения переправ, пускания парусных кораблей, сделанных из коры.

Помню нашу пристань, где швартовались очень большие двух- и трехпалубные корабли, которые ходили от Минусинска вниз по Енисею до Красноярска и ниже. Я на них не плавал. Зато много раз плавал в Абакан на катере, самом доступном в то время транспорте, т. к. мостов через Енисей и Абакан, естественно, ещё не было. Мосты построили примерно в 1950–60-х годах, когда я уже закончил учебу в Томске. Тогда же была построена железнодорожная станция.

Сначала до Абакана ходил колесный катер «Партиец». В народе его звали «Кособокий партиец», т. к. когда он выходил из Протоки в Енисей (или из Абакана в Енисей), то капитан в рубку объявлял повышенное внимание и просил всех перейти на какой-то борт, в зависимости от направления движения катера (в Абакан или обратно). Видимо, Енисей для «Партийца» представлял серьёзную стихию и опасность. После прохожде-

ния Енисея напряженность спадала, и все расходились по своим местам. Затем, уже после войны, «Партийца» сменил комфортабельный теплоход «Коммунист», где таких предосторожностей в пути уже не существовало и не приходилось переходить с одного борта на другой.

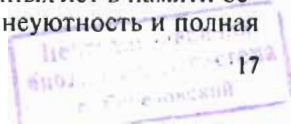
В Минусинске до войны было несколько базаров. Центральный — на площади между винзаводом и остатками не до конца разрушенного собора. Площадь в то время была не застроена, стадиона там ещё не было, и всё это место занимал базар. Второй базар был на Середовой площади возле Заготзерна, третий — на Пристани.

Над Заготзерном всегда кружились тучи голубей. Голубями в разной мере увлекались почти все ребяташки, но были и настоящие голубятники, взрослые мужики, а мы лишь, разинув рот, слушали их разговоры, разные истории и побасенки о торговле, ценах, достоинствах разных видов голубей, подсадках, загонках. При этом они вынимали голубей из-за пазухи, поили из рта, расправляли крылья, показывая все их достоинства.

Конечно, многие мои довоенные воспоминания перемешались с более поздними разговорами взрослых, их оценками, но всё-таки предвоенные годы в моей памяти — это достаточно благополучный уровень жизни: хорошее питание, достаток, добротная обстановка, одежда родителей (отличные костюмы у отца, беличья шуба и шляпы у матери, у меня матросские костюмы, шубки), наши летние поездки с бабушкой в Хакасию, проводы отца на теплоход в Красноярск на учебные сессии, домашние застолья со знакомыми, игры в преферанс отца с очень представительными мужчинами.

Объявление войны хорошо помню потому, что оно застало нас с бабушкой Дарьей Григорьевной на вокзале в Абакане: мы ехали гостить к дочери бабушки, моей тете Гале (Лубышевой). Она жила со своей дочерью Алевтиной на одной из железнодорожных станций в Хакасии, недалеко от Абакана.

От военных и нескольких послевоенных лет в памяти остались, как я уже говорил, голод, холод, **неуютность и полная**

неопределенность в завтрашнем дне. Остается загадкой, как родители ухитрялись находить те крохи, которые не позволили всем нам умереть с голоду.

Чувство голода было постоянным. Помню, я старался остаться на обед у Трусовых. Они жили по ул. Ленина, а Юрий и Борис были моими товарищами, и мы бегали друг к другу через огороды. Отец их в войну имел бронь и работал каким-то уполномоченным по сельскому хозяйству, имел лошадь и постоянно бывал в разъездах по селам и колхозам. Они по сравнению с нами питались хорошо. И чувство голода часто пересиливало чувство неловкости оставаться, и я часто просто ждал, когда и меня позовут к столу, вместо того чтобы идти на обед домой. Дома же обед был под большим вопросом.

В военные зимы, после того как отца, а затем и Виктора взяли в армию (правда, Виктора сначала в училище, т. к. в 1942 году ему было лишь 17 лет) и мы остались втроем: мать, бабушка и я, для экономии дров, чтобы не отапливать всю квартиру, мы закрывали (а потом даже заложили чем-то) нашу просторную комнату и жили только на кухне. И так продолжалось несколько зим и после того, как в 1944 году вернулся отец из госпиталя после ранения хромой (ранение было в голову, а отнялась нога). А ближе к весне в эту же кухню помещали теленка после отела нашей кормилицы комолой Майки. Кстати, Майка была не только кормилицей, но и выполняла роль гужевого транспорта: на нее надевали хомут, сбрую и впрягали в зависимости от сезона и потребности то в плуг, то в борону, а иногда и в телегу. А возить было что: картошку, бахчи, просо в снопах, дрова, сено и много чего ещё. Запастись сеном на зиму было очень сложно, и его хронически не хватало. Приходилось собирать солому по дорогам, у заготзерна, на постоянных дворах, так что питание безрогой Майки тоже было далеко от желаемого, а молока все равно от неё ждали.

Транспорт в те годы был большой проблемой. Естественно, автобусов не было. Ездили только на грузовых машинах, «голосовали» на выезде из города по нужному направлению. Нам чаще всего приходилось ездить в Ермаковск. Даже зимой ездил-

ли в кузове, поверх груза. Поэтому в каждой семье нужны были ватные штаны, полушубки, а поверх ещё надевали тулупы или дохи. И вот в таком виде устраивались наверху, прижимались друг к другу и ехали, а приехав, долго разминали все свои кости и отсиженные ноги.

В быту большую роль играли двухколесные тележки, которые вместе с санками были одним из самых необходимых средств выживания. На них возили в бочках воду с реки, керосин, в очереди за которым простаивали сутками, дрова и шишки из бора, весной — плавник с Протоки, который собирали на берегу, затем в ограде сушили и топили им печки. А осенью на тележках практически перевозили весь урожай с полей, возили помидоры на базар. И каких только не было тележек: на рессорах, подшипниках, на резиновом ходу (на дутых шинах), с тормозом, с упорами и другими ухищрениями. Иметь хорошую тележку было престижно. Изготовление тележек было в то время очень доходной отраслью.

Ребятишки, кроме того, пользовались различного рода тачками с одним колесом впереди и двумя ручками. На них тоже можно было возить различную поклажу и притом бегом. Две ляжки в пристяжке, а сам в корню.

Мое детство, кроме того, осложнялось регулярными (сезонными) приступами малярии. Как тогда говорили, она **трясла** меня чаще весной, а иногда и летом, а я при этом становился **то** зеленым, **то** желтым, в зависимости от того, какого цвета — **зеленые** или **желтые** — пил хинные таблетки. Их по особым дням **носила** медсестра и заставляла глотать прямо при ней, по **таблетке** или по полторы, и оставляла ещё на несколько дней **вперед**. Меня и ребятишки дразнили, **то** желтым, **то** зеленым, и **продолжалось** это примерно до пятого класса, а затем после **страшного** кризиса, когда даже мать уже отчаялась в **благополучном** исходе, малярия отступила, и притом навсегда. Я тогда **так** крепко переболел, такой был жар и так долго, что после этой болезни я должен был заново учиться ходить. Видимо, и зрение **у** меня ухудшилось в этот период.

Как я уже говорил, в 1942 году я пошел в первый класс начальной школы № 10, которая находилась на улице Городчанской недалеко от Протоки и размещалась в двух зданиях: деревянном одноэтажном и кирпичном двухэтажном. В ней я проучился четыре года: три военных и один послевоенный. Тяжелые, пасмурные, выживальческие годы. Мало что осталось в памяти цветного. Все как в старых военных черно-белых фильмах: снег, мороз, телогрейки, валенки, санки, бочки, проруби, туалет на улице, заснеженные поленницы дров во дворе, завешанные старыми, закуржавевшими от холода, одеялами входные двери, фитильный мигунок на кухне, здесь же теленок и куры, кот на русской печке — этом единственном желанном и благодатном месте — и невеселые разговоры взрослых о сене и хлебе, керосине и картошке, повестках и похоронках, о хлебных карточках и, не дай Бог, их потере. Тогда кусок сахара, ложка масла, бутылка керосина представляли для семьи большую ценность.

Школа в военные годы: неуютность, холод и снова голод. Тетрадами были сшитые и линованные вручную листы газетной бумаги. У меня здесь все-таки было преимущество перед другими, так как я пользовался недописанными тетрадями из старых запасов родителей. Лучше, чем у других, у меня было положение и с учебниками. Помню даже, как я однажды выменял лыжи на какой-то учебник. В школе выбранные санитары проверяли у всех наличие насекомых в головах и за воротниками. Бывали случаи, что вши ползали поверх одежды. Вечером матери занимались борьбой с ними: и чистили, и давили. Мыла не было, стирали каким-то суррогатом, похожим больше на глину, чем на мыло.

И при этом все мы, от мала до велика, ежедневно слушали по радио передачи: «От Советского информбюро», «Огонь по врагу» и другие, из которых всем было ясно, что над страной нависла смертельная беда. В первые годы радио сообщало об упорных и ожесточенных боях на всех направлениях, сообщались потери немцев и о том, что с целью сокращения и выпрямления линии фронта наши войска оставили следующие города....

Но затем уже мы начали теснить немцев, и по радио стали передавать длинные перечни взятых обратно населенных пунктов, деревень и поселков, и, конечно, городов. Какая была радость это слушать! Лучше любой музыки, лучше любой сказки! Забывались и голод, и холод. А особо значимые события озвучивались непревзойденным, единственным в своем роде, Юрием Левитаном. Вот уж, действительно, чей магический голос внес весомый вклад в нашу Победу.

А у нас, ребяташек, война была и в мыслях: как мы ловко в уме вели победоносные бои, били из «сорокапятков» танки, накрывали врага огнем «катюш», успешно партизанили, таранили противника в воздухе и всегда были отважны и находчивы. Война, как татуировка, вошла в нас навечно.

Кстати, татуировкой переболели почти все пацаны. Мало у кого из нас не было хотя бы маленькой наколки.

А радиоинформацию мы получали из старых, черных конусообразных приемников военного и послевоенного времени. Приходилось, прильнув ухом к самому нутру этого картонного реликта, среди страшной трескотни улавливать завораживающий голос Вадима Синявского, который дарил нам возможность ощущать накал страстей, бушующих на далеких столичных стадионах (конечно, это уже после войны).

Духовная народная жизнь может развиваться и в неблагоприятных условиях внешнего и внутреннего угнетения, деспотизма и даже террора. Наоборот, внешние угнетения и тяготы могут способствовать объединению и сплочению народа в его стремлении к идеалу, правде и справедливости, искреннему братству и общежитию.

Русскую душу больше растлевают не угнетение и материальные бедствия, и даже не отсутствие разумной справедливости со стороны власти, а понижение и оскудение общей нравственности, развитие эгоистических стремлений, духовное отделение элитных слоев общества от остальной массы народа. Народ это разделение тонко чувствует, что и доказано всем ходом русской истории. Правитель в России, как и любой руково-

дитель, должен быть отцом, а не отчимом, скорее пастырем, который вместе с народом несёт свой крест до конца.

Идеальный образ правителя в России нарисовал наш великий Пушкин:

*Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится:
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.*

И наоборот, появляющиеся ростки и зачатки нравственного и духовного подъема и единения всегда находили отклик в народе и способствовали общему и политическому возрождению нации в критические периоды нашей истории.

Война это доказала, когда народ не только не был морально сломлен, а наоборот, нравственно приподнялся и возродился духом, забыв недавние обиды и несправедливости.

Как могло случиться, что сотни тысяч бывших репрессированных, а также сыновей униженных и растоптанных кулаков, этих классовых «врагов народа», проявляли на фронте нечеловеческую стойкость и упорство и защищали власть, которая для них была сознательным (а может, и бессознательным) носителем зла? Всеобщий подъем народного духа решил, казалось бы, теоретически не решаемую задачу: Победу в этой величайшей войне.

Трудное было наше детство, но наблюдая жизнь уже своих внуков, убеждаешься, что быть ребенком трудно во все времена, так как у начинающего жизнь возникает очень много вопросов, а взрослые не всегда могут их понять или отвечают на них со своих позиций. Но это отношения детей со взрослыми.

Есть же ещё чисто детский мир, когда дети предоставлены самим себе, а их отношения между собой строятся по своим, не всегда добрым и справедливым законам.

Мы в те годы фактически были отданы уличной стихии со своими обычаями и правилами, влиянием отдельных уркоганов

и различных группировок, где ценились не только сила, ловкость и удаля, но и характер и сила воли. Наконец, не всегда выигрывали нравственные и моральные качества. Часто репутация в этом разношерстном, многоликом и динамичном сообществе завоёвывалась силовым путем через прямое подчинение без права голоса и обсуждения. Была четко выраженная иерархия, где сильный подчинял более слабого. Случалось быть свидетелем и бессмысленного разбоя, и циничной жестокости, и показательной безжалостности.

С этими весьма неприятными и омерзительными явлениями силовых и авторитарных методов общения и управления (жизнь по законам стаи) и чувством незащищенности, запомнившимися мне ещё с детства, во взрослой жизни я сталкивался лишь во взаимоотношениях с партийными боссами и высокими министерскими чиновниками. Это был тот же жестокий, циничный, не желающий понимать никаких разумных доводов, бездушный способ подчинения и унижения (методы пахана и урки). В стае не положено ни тявкать, ни выть отдельно, ни сметь выделяться, но быть как все и молча вилять хвостом. А если выть, то по команде вожака.

Да, в этом большом сообществе были небольшие группы пацанов более близких по духу, возрасту, наконец, интересам, но все равно надо было повседневно существовать в этом сложном и суровом мире военного и послевоенного детства.

В большие морозы (а они были долгие по времени и жуткие по силе в течение всей войны) уроков не было, но ребяты всё равно большую часть времени проводила на улице, так как дома тоже было не жарко, а на улице, играя, мы согревались и хотя бы на время забывали о голоде.

Но для улицы нужны были целые и подшитые валенки, а они снашивались очень быстро. «Валенки горят, как на огне», — говорили взрослые. Поэтому подшивка валенок была одной из главных забот родителей, а вскоре стала и нашей собственной. Шило и дратва, вар и воск были наши постоянные спутники детства. Когда подошву валенка подшивать уже было не к чему,

то на запятник, а часто и к носку, подшивали специально выкроенный кожаный лоскут, а уже его — к новой подошве. На сгибы валенок тоже пришивали кожаные заплаты, так что валенки представляли из себя очень живописное зрелище. Не уступала в живописности и остальная наша одежда: пальтишки, а чаще телогрейки и фуфайки, шапки и рукавицы. Всё это было штопаное-перештопаное, ношеное-переношеное.

Новые сапоги и валенки — это большая роскошь и радость. Купить их в то время было многим не по карману. Уже после войны сапоги себе шили и мой отец, и Виктор, но готовились к шитью заранее, приобретая все основные составляющие: голенища, подошвы, стельки, переда, задники — и лишь после этого отдавали в шитье. Особенно в моду сапоги вошли после войны. Сапоги шили хромовые, с жесткими и мягкими голенищами, с напуском, гармошкой, со скрипом, с подковками.

Среди взрослых парней модными считались белые валенки-чесанки для выхода. Они требовали большого ухода: их нужно было постоянно чистить пемзой.

В городе было много сапожников, работавших в маленьких будках или прямо на улице (холодные сапожники), как правило, инвалидов. Чистильщиками были в основном пацаны. Они, перемазанные ваксой, громко стучали щётками, зазывая себе желающих почистить обувь.

Катальщики валенок — это уже богатые и уважаемые люди. Напротив нас жил Гурков, он имел катальню с пимокатной машиной, которую вручную крутил сын, полоумный, но очень добродушный и здоровенный Петя Гурков. Отдыхая, он выходил на улицу и, переминаясь с ноги на ногу, вступал с нами, пацанами, в разговор. Мы всегда приветствовали его: «Здорово, Петя!» Мы любили его за доброту, за веселый нрав, и он отвечал нам тем же.

У самого хозяина Гуркова была ещё одна особенность. Обычно работая как вол в горячей и влажной своей пимокатне, он изредка входил в загул. Пил несколько дней, особенно не бу-

янил, но, как правило, в конце загула выходил на улицу с большим дрыном, разбивал им все свои окна и на этом заканчивал запойный период. Нам, напротив их дома, всякий раз это хорошо было видно. После запоя он снова брался за работу, а дом стоял с закрытыми ставнями. И лишь спустя некоторое время приходил отец моего друга Сашеньки (его все так звали), милиционер по профессии, и вставлял стекла. Дом приобретал обычный вид, жизнь входила в повседневное русло.

В войну многие, особенно курильщики, из-за дефицита спичек огонь добывали с помощью огнива — кресала, ударяя которым по кремню-огневику и высекая искры, поджигали трут, особой породы высушенный гриб, или просто жженое тряпье и, раздув огонёк, прикуривали, а затем трут гасили, придавливая его пальцами.

После войны появились зажигалки всевозможных конструкций на бензине со специальными колесиками, при резком вращении которых большим пальцем зажигался фитиль. Это уже был прогресс и особый шик. В большой моде были трофейные электрические фонарики, светящиеся при быстром сжатии и разжатии кистью руки специального рычажка. Света от них было не так много, зато шума хватало и рука развивалась.

Следует сказать и про нищих. Их было очень много, собирали они всё, что им подавали из съестного, но о деньгах не было и речи.

В людных местах (на базаре, возле магазинов) можно было встретить играющих и поющих свои особые песни баянистов, песни печальные, душевные, скорбящие о боле и утрате, т. е. понятные в то время всем без исключения. Вообще, песня имеет большое значение в жизни, особенно русского человека. Я уже упоминал о многоголосом, хоровом пении у нас дома по большим праздникам. Это было мощно и здорово. Но я хорошо помню и пение Виктора, тихое и приятное, под собственный аккомпанемент на гитаре. У него были отличный слух, хорошая память, и он знал очень много песен того времени, а время было богато на песни. После войны были в моде Лещенко и Вертин-

ский, много было военных песен, особой популярностью пользовались жалостливые инвалидные, осуждающие неверность жен и невест. Даже блатные и воровские песни были более оптимистичны. От Виктора в памяти остались такие песни, как «Из далеко-колымского края», «Перебирая поблекшие карточки», «Не храпи, запоздалая тройка», «Спи, Наташа».

Помню американские подарки, которые раздавали и на работе родителям, и непосредственно по школам. В подарках были рубашки, куртки, штаны, пальтишки, резе ботинки. Детям учителей были организованы бесплатные обеды, в основном из американских продуктов: омлеты из яичного порошка, супы из концентратов. До сих пор помню запах, который стоял в этой столовой, но она очень поддерживала нас. Да, было ужасное время, но люди покинутыми себя не чувствовали, тяжело было всем.

К экзотическим военным продуктам, помимо американских, следует отнести «живой» сахар коричневого цвета, который, если тронуть его пальцем, мог очень долго шевелиться; жмых, он постоянно был у нас в карманах, и мы его время от времени грызли, часто прямо на уроках. Вечерами на раскаленной плите любили поджаривать картофельные ломтики.

Летом многие пацаны ловили капканами сусликов, благо их в наших краях было очень много. Их обдирали, шкурки чистили, распяливали гвоздями на досточках, из тушек варили похлебку. Наши соседи, староверы Соломенниковы, были частниками, имели несколько гектаров земли, лошадей, большой дом с многочисленными хозяйственными постройками по Городчанской улице и сажали много бахчей, которые осенью сплавляли в Красноярск. А летом, ближе к осени, эти бахчи надо было сторожить. И я со своими ровесниками, Васькой и чуть постарше — его братом Енькой, отличавшимися редкой и очень нужной в некоторых видах игр способностью далеко и кучно плевать, много времени проводили у них на бахчах. Там была землянка, там и питались, в том числе и сусликами. Васька их очень быстро обдирали.

Вообще, Василий Соломенников — типичный представитель особой породы ребятни того времени: разбитной и сметливый, с одной стороны, весь открытый, душа нараспашку, а с другой — ушлый и пройдошный, когда надо было кого-нибудь разыграть или подначить. До сих пор хорошо помню его озорную и ухмыляющуюся широкую, почти круглую физиономию и его неподдельный и искренний смех, которым он мгновенно заражал всех окружающих. Это был сгусток здоровья, энергии, жизнелюбия и предприимчивости. Он всегда находился в действии, игре, работе. Купаться начинал одним из первых, когда ещё льдины лежали на берегу. Мог на руках и с помощью босых пяток влезть на столб и спуститься в колодец за утопленным ведром. Много что умел делать по хозяйству, был мастер на все руки, но особенно любил лошадей, быстро запрягал и лихо ездил. Помню его скачущим по улице с ведром поить лошадей на Протоку. И всё делал с азартом, весело, с прибаутками.

Видимо, исходя из постоянной занятости, он умел очень красочно и эффектно сморкаться без участия не только платка (смех!), но и рук. Он лишь поворачивал в сторону свою широкую физиономию и производил резкий выхлоп из обеих носопырок одновременно.

Несмотря на то, что он каждый год оставался на осень по чтению и каждый раз обещал (конечно, только в первый день после экзаменов) усердно заняться чтением книг летом на бахчах, он обладал сочной и образной речью. Это был, действительно, мастер слова, и ему в подметки не годились в этой части те, кто ежегодно и успешно сдавал экзамены по чтению. Здесь он был отличник: заслушаешься.

И таких запоминающихся личностей было много в то время. Уж очень они были яркими, самобытными, жили широко, нараспашку, как на сцене. И как-то они быстро сошли с арены, где-то поотстали, рассеялись, растерялись, не вошли в зацеп с жизнью, запили, многие оказались в тюрьме. Возможно, в других условиях и судьба их была бы другая, а условия тех лет требовали наличия однотипных винтиков со стандартной резьбой и шляпкой.

Последний раз я с Василием встречался, когда учился в Томске, уже на последних курсах. Он начал пить и, видимо, крепко.

Поэтому, вспоминая своё стихийное, не обустроенное и подверженное всевозможным внешним давлениям и страстям детство, благодарю Бога, что он оградил меня от вполне реальных худших вариантов и дал возможность пройти в следующий «класс».

Благодаря своим многочисленным друзьям, мне приходилось бывать во многих семьях, видеть быт, уклад и условия их жизни. Материально все жили примерно одинаково: бедно, экономно, в постоянной заботе о хлебе насущном.

Все вещи: мебель, посуда, одежда — служили до тех пор, пока полностью не приходили в негодность. Когда уже с плеч да в печь.

До сих пор помню наш старый жестяной ковшик, постоянно лежавший на крышке деревянной кадушки, из которой ковшиком все пили, наливали в умывальник, в кастрюли и ведра, поливали рассаду и т. п. Этот ковшик от древности и долгого употребления истерся и имел далеко не симметричную форму. Кстати, в мою обязанность входило, чтобы кадушка всегда была полная и летом и зимой.

Ножи в доме, по всей видимости, тоже были дореволюционные, ибо были сточены до невероятных форм и размеров, но зато их деревянные ручки были очень удобны, отшлифованы многими поколениями.

Видимо, не одному поколению Власовых или Сметухиных служили единственные на моей памяти вещи, такие как наш уют, нагреваемый углями, самовар, разжигаемый лучинами, примус, постоянно засоряющийся, керосиновые лампы и фонарь со свечкой, с которым ходили в кладовку и к корове, когда ждали её отела, топоры, ухваты, все эти лавки, сундуки, лари, даже кринки, половики и полшубок, в котором все зимой ходили в туалет. Действительно: битая посуда два века живет.

На этом общем невеселом в материальном отношении фоне запомнился момент, когда семья моего сверстника Володьки

Минтьянова быстро и неожиданно разбогатела. Его отец был шофером на фронте, а в самом конце войны стал посылать с фронта многочисленные и богатые посылки, что моментально стало заметным для окружающих. Все Минтьяновы стали отлично одеваться, особенно старшая сестра Володи Валентина, очень красивая и уже взрослая девушка. Тогда все соседи, видимо из зависти, говорили, что Минтьянов «вывез пол-Германии», а скорее всего, в этом проявлялась народная мудрость: любой достаток и богатство могут быть лишь заработанными. Как сказала бы по этому поводу моя Дарья Григорьевна: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть с грехом».

А вообще, я считаю, что в России достижение лишь материальных благ для большинства народа не является его основной и конечной целью. Истинно русский человек может легко пожертвовать материальным во имя идеального и духовного. Да и в Евангелии уже было сказано: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет».

Моими друзьями были Володя Ошаров, Сашенька Терешин, мой постоянный партнер в пристенок, с которым мы «работали» на общее сальдо, Гена Бердистов, Борис Новоселов, мой самый близкий в то время друг, которому очень рано пришлось зарабатывать деньги, рисуя маслом на продажу картины и ковры. Художественный талант у него, несомненно, был, он и в школе был единственный оформитель всех стенгазет.

Недалеко от нас, по улице Гоголя, жила целая команда Белоусиков (Белоусовых): Иван, Николай, их сестры и младший Ванюшка, ставший отличным баянистом, но, как уже потом мне стало известно, он по пьянке утонул в Протоке при всей честной компании. Все в нашем околоте знали, что старший Белоусик имеет зазнобу за Протокой и часто ездит к ней на велосипеде. Однако изредка его жена появлялась возле дома своей соперницы, выбивала окна, после чего велосипедные выезды на время прекращались.

Дружил я с Геркой Шефером, отличным парнем из семьи поволжских немцев, появившихся у нас в начале войны, Юри-

ем Мельниковым, хорошим боксером и гимнастом, неплохо играющим в футбол.

Все семьи моих сверстников отличались друг от друга: отношением между её членами, различной степенью послушания и подчиненности детей взрослым, строгостью взрослых, степенью загрузки детей домашней работой, обязанностями по дому, возможностью уходить из дома без спроса, отношением родителей к школьным успехам своих чад, наконец, порядком в доме, чистотой, наличием книг и даже учебников.

Например, у Соломенниковых в доме вообще не было ни одного печатного слова, но зато была невероятная свобода и возможность ходить, не разуваясь и не раздеваясь, по многочисленным комнатам, где вещи навалом лежали на кроватях, лавках и сундуках. Чтобы что-то найти, вся эта груда перебрасывалась на другое место. И хотя они жили в достатке, хорошо питались, но не было в доме порядка. Василий мог прямо из чугуна достать кусок мяса, отломить ломоть хлеба и всё это доедать уже во дворе, где, как мне казалось, порядка было больше, чем в доме.

И была совершенно противоположная семья, где царил идеальный порядок. К сожалению, я забыл их фамилию и даже имя своего товарища, его все звали «домашний ребенок». Это был очень хороший и скромный паренек, отлично катавшийся на коньках. У них в семье, кроме него, были только взрослые женщины, как минимум, четыре (мать, тетки, бабушка). У него было много игрушек, книг, но дружил «домашний ребенок» не со всеми и играл не во все наши игры.

Были семьи, где дети обращались к родителям на «Вы», что казалось мне странным и неестественным. И были семьи, где крепко били детей. А в семье наших знакомых учителей Жбановых всем заправляла дочь. Она могла, например, потребовать, чтобы её кормили не за столом, а на поленице дров. Конечно, это уже были легенды, рассказываемые, скорее, с целью показать, как нехорошо слишком баловать детей. Но дочь у Жбановых была единственная и появившаяся, когда и надежд уже никаких не было.

Много семей было без отцов, у многих отцы вернулись ка-
леками. А вот в семье Загвозкиных после возвращения их отца с
фронта Загвозчиха стала рожать каждый год, но всё шли парни,
и почему-то все ярко-рыжие, как ясные солнышки. А их отец
упорно добивался дочери. И когда я уезжал в Томск, этих рыжих
Загвозкиных уже было пол-улицы, а одного звали Сёма — это
значит седьмой, но все парнишки шли очень хорошие. Но это
уже было другое поколение, не наше, послевоенное, менее го-
лодное. Кстати, мать мне уже потом писала, что Загвозкин все-
таки своего добился, дождался дочери. А вынянчила всю эту
рыжую гвардию их баба Груша.

Жизнь человека от начала и до конца похожа на горение
дров в русской печке. Вспыхнул огонь, возникла новая жизнь,
тяга подхватила его, и пошло, и загудело...

Красиво разгораются дрова, с большим желанием и твор-
чеством: шевелятся, трещат, ласкают друг друга, веселятся, лу-
чатся от счастья. Одни вспыхивают сразу, мгновенно, осветят
на время всё вокруг, как будто спешат жить и торопятся заявить,
какие они разудалые и способные. Другие, наоборот, разгора-
ются медленно, набирая силу, и живут, может, и не так ярко, но
долго, поддерживая жар вокруг и сохраняя нужное всем тепло.

Но, к сожалению, порции дров кем-то рассчитаны и чем-
то ограничены. Прогорает очередная закладка, постепенно за-
тухает огонь, оседают поленья, хотя иногда на время кое-где
вспыхивает огонек, кто-то не сдаётся, продолжает творить, жить.
Приятно смотреть на жар, оставшийся от сгоревших поленьев,
от него ещё долго будет идти тепло и даже свет, согревая всё вок-
руг и давая жизнь всему окружающему.

А на очереди уже готова новая вязанка дров, в которой каж-
дое полено, истомившееся на холоде, под снегом в поленице,
горит желанием показать себя в деле на что оно способно и ис-
кренне рвётся в свою жизнь — пожар, совсем не думая и не обра-
щая внимание на рядом стоящее ведро с уже остывшей золой.

И горят, сменяя друг друга, всё новые и новые поленья —
поколенья.

III. НАША СЕМЬЯ

У нас в семье всем руководил отец. Он очень тщательно продумывал любые вопросы, касающиеся то ли предстоящих сельхозработ, заготовки или покупки дров, сена, строительного материала, то ли просто отношений с различными людьми, соседями, властями. Любил обсуждать эти вопросы за обедом, вслух, а затем принимал единственно верное, как мне казалось, решение. Для всех людей, в том числе своих коллег, соседей у него были вполне определенные оценки, иногда далеко не лестные, а уважал лишь за их объективные качества. Не любил лентяев и пустомель. Рыболовов ещё со старых времен считал бездельниками и сословием пролетариев, не имеющих ни кола, ни двора и все дни проводящих на берегу. Судил по пословице: «Не важно, что человек говорит, важно, что он делает». А об одном уважаемом им знакомом, подчеркивая исключительный порядок в его хозяйстве, говорил: «У него даже дрова строганные».

Действительно, слово — очень тонкий и эффективный, но и опасный инструмент. Вспоминаю, сколько уходило времени на многочисленных собраниях на словесную чепуху. А какие были говоруны! Но часто они, наоборот, «выручали», когда требовалось необходимое число выступающих по какому-либо вопросу повестки собрания, абсолютно не нуждавшемуся в обсуждении. Какая громадная часть жизни уходила в «свисток». Прав был Александр Сергеевич, когда говорил:

*Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

Но что ни говори, а время болтунов, во всяком случае в нормальных «трудовых» коллективах (не говорю о высших сферах), уходит.

Уже выйдя на пенсию, отец серьезно занялся столярным делом, видимо, в нем проснулись навыки, полученные им в детстве от своего отца, Михаила Кузьмича. В первую очередь он изготовил себе разнообразный отличный столярный инструмент

(различные рубанки и фуганки всех мастей, ножовки и лучковые пилы, стамески и коловороты, угольники, рейсмусы и многое другое) и очень им гордился, показывая мне его в работе, когда мы приезжали в отпуск, а затем занялся изготовлением сначала всякой домашней утвари, а потом по своим чертежам сработал вполне приличную мебель, которая до сих пор украшает уже нашу квартиру.

Отец всегда был занят какими-то мыслями, заботами. На улице рядом с ним можно было совершенно открыто пройти незамеченным им. В школе был строг. Ученики его не только уважали, но и побаивались, и прозвище у него было «Гром», т. е. что-то от громовержца. Если в общем говорить об отце, то он олицетворял собой, как мне кажется, и не только в семье, стабильность, основательность, прочность, ответственность. У него был характер «хозяина» с повышенным чувством долга.

Меня в семье по учебе никто никогда не контролировал, но интерес к результатам и к итоговым оценкам (а в то время экзамены сдавали с четвертого класса) я ощущал постоянно. Я по виду отца понимал, что ему приятны мои школьные успехи, но он никогда не хвалил, видимо, считая это нормой и моей обязанностью.

Отношения сына с отцом более долговременны и глубоки, чем с матерью. Мать всегда рядом с тобой, в тебе, и её любовь, как сама жизнь, неотделима от тебя. Влияние же отца проявляется позднее, как фотография в проявителе, а сила и степень проявления зависят от всего уклада семьи, который во многом определяется мужским началом, естественным корневищем рода. И если любовь матери — это как жизненная необходимость каждого человека, как минимальная заработная плата, то любовь отца подходит ближе к премии, как дар и наследство от предыдущих поколений.

Жаль, конечно, что не удалось испытать воочию дедовой любви, она пришла, как послание через реальные предметы, воспоминания, через дедовы постройки. Но зато я вдоволь накупался в бабушкиной ласке, смягчающей детскую душу. Считаю,

что жизненные запасы и устойчивость человека закладываются в детстве и замешиваются в основном на любви.

Мать была человеком совершенно другого склада, чем отец. Она всегда охотно и беспрекословно соглашалась с отцом, во всем доверяла ему, была неистребимая оптимистка, в отличие от отца верила партии и правительству, верила в светлое будущее, легко переживала неудачи и быстро их забывала. У неё была масса знакомых, её очень любили ученики, а многие, закончив учебу и уехав в другие края, писали ей письма. Ей было всё интересно, увлекалась и людьми, и работой, и литературой. Участвовала во всех общественных мероприятиях, в драмкружках, в самодеятельности, в различных поездках по селам, семинарах, конференциях и т. п. В компаниях своих коллег, друзей и знакомых всегда была в эпицентре главных событий. И в то же время она могла, раскрыв книгу, часами простоять с ней, читая, пока кто-либо или что-либо не возвращали её в действительность. У неё не было врагов, в отличие от отца, обо всех говорила только в превосходной форме, даже о тех, кого отец характеризовал одним словом: «Сволочь». Мать жила согласно бабушкиным пословицам:

«Тому тяжело, кто помнит зло»;

«Что не воротишь, про то лучше забыть»;

«Отколь гроза, оттоле и ведро»;

«Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст».

Её отличали хорошая память и наблюдательность, соединенные с даром рассказчицы. Я очень любил слушать её рассказы о прежней деревенской жизни, праздниках, играх. Помню её рассказ о своих деревенских мужиках, которых «белые» пороли во дворе их дома за связь с «красными» партизанами, а вскоре, лет через 8—10, их раскулачивали уже «красные» начальники, а они приходили к матери и просили её подтвердить факт их порки при «белых». С большой симпатией вспоминала о сосланных в их Огуры поляках. Они были, по её мнению, очень грамотные, культурные и доброжелательные (в основном женщины), с удовольствием общающиеся с деревенскими ребятишками и даже пытающи-

еся обучать их грамоте. А в подтверждение своих слов что-то шустро «пшикала» по-польски, говоря тем самым, что в детстве она знала его неплохо. Рассказывала, как совсем ещё юной девчонкой, учась в Минусинске на педагогических курсах, ходила к самому главному красному командиру Кравченко, сподвижнику Щетинкина, с просьбой разрешить ей выезд из Минусинска к себе в Очуры на каникулы. Этим она подчеркивала свою храбрость. До сих пор ощущаю очарование её рассказов.

Если на отце лежали все основные хозяйственно-финансовые дела, в т. ч. закупка основных продуктов, то матери, видимо, с первых лет их семейной жизни отводилась роль министра иностранных дел, т. е. ведение внешних сношений со всеми знакомыми, организация застолий, ведение светских бесед, вся переписка с родными и многочисленными знакомыми. Отец всегда спрашивал у неё, как кого звать, кто с кем и в каких находятся отношениях, сколько у кого детей и сколько им лет. Мать была энциклопедией, справочником, памятью и душой семьи. Отец крепко стоял на земле, мать витала в облаках, как фея, но отцу это нравилось и он считал это положительным и отличительным качеством своей семьи. Видимо, он такую и брал её себе в жены, тогда ещё совсем молодую, начинающую учительницу, будучи сам в то время уже опытным педагогом. Мать начала свою работу в селе Каптырево, где они и познакомились с отцом во время какого-то семинара учителей окрестных деревень, который проводил отец.

За порядком и чистотой в доме следила моя бабушка Дарья Григорьевна. Она была исключительно чистоплотна, любила, чтобы всё блестело и сияло. А управившись по хозяйству, разогревала самовар и подолгу, и много пила чай, утираясь платком. У бабушки с отцом были весьма уважительные отношения. Они всегда друг друга называли по имени — отчеству, хотя своих родителей отец очно и заочно называл «папашей» и «мамашей». Так же звала их и моя мать.

Когда я учился уже в старших классах, отец иногда с жалованья (в то время не было понятия «зарплата») покупал бутылку

водки и во время обеда наливал себе полный стакан, бабушке пол-стакана и мне на самом донышке (мать водку не пила). Бабушка всегда долго отказывалась, хотя я знал, что всё это ей нравится, а выпив, долго морщилась, как переспелый фрукт. После этого отец начинал рассуждать о политике, а мы все его внимательно слушали. Затем он снова наливал бабушке, но совсем немного, и бабушка снова долго отказывалась, мне уже не полагалось, остатки выливал себе, они выпивали, после чего продолжался подробный анализ внешней и внутренней политики нашего правительства и комментариев к текущим событиям всех уровней. Так что в нашей семье политучеба была поставлена на должном уровне и, думаю, что на достаточно объективном и критическом, скорее даже оппозиционном. Отец был беспартийный, но внимательно следящий за политикой, думающий и много переживший, поэтому его, несомненно, волновали все эти вопросы. Он выписывал много газет: краевую «Красноярский рабочий», местную «Власть труда», ещё что-то из центральных — и постоянно их читал, а обсудить их в то время можно было лишь в семье.

В памяти, например, остались его размышления о разделе Германии на Восточную и Западную, и он говорил, что это небезопасное и недолговременное решение, ибо двух Германий у такой нации не может быть. Что и свершилось через сорок с лишним лет.

В отличие от матери отец никогда не говорил о своих внутренних переживаниях, душевном дискомфорте. Я знаю сейчас, что он, натура вольная, самостоятельная, даже своенравная, не мог добровольно смириться с существующими порядками и идеологией «вождей и простых винтиков». Поэтому у него в душе неизбежно возникали конфликты, разочарования, их не могло не быть, но приходилось приспосабливаться, а необходимые для жизни внешняя сдержанность и невозмутимость приобретались дорогой ценой. Мать, с её легким и оптимистическим характером, была для него, кроме всего прочего, и домашним Кашпировским: «Расслабьтесь, не думайте о печальном, всё будет хорошо, всё срастется!»

IV. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Послевоенные 1945—46 годы были очень тяжелые — как бы не тяжелее, чем военные. В 1947 году прошла денежная реформа. Перед реформой в магазинах все раскупили. В последний день отец дал мне какие-то оставшиеся деньги, я побежал в магазин и всё, что я мог там купить, — это алюминиевые чайные ложки, штук пятнадцать.

Но с 1948 года жизнь стала постепенно улучшаться. В 47-м демобилизовался из армии Виктор, поступил шофером в какое-то автохозяйство (АТК) и стал возить грузы из Абакана в Кызыл.

Брат Виктор. 1948 год

Рейсы были тяжелые, техника слабенькая, требующая постоянных ремонтов. Особенно тяжело было зимой подниматься по Кулумыским петлям, а у Виктора не всё в порядке было с лёгкими: он часто болел, простуживался, вплоть до плеврита. И в году 49-м отец заставил Виктора бросить шоферские дела и поступить в техникум механизации сельского хозяйства. Дело в том, что у Вик-

тора не было среднего образования, так как в военное училище он поступил после 9 классов, а поэтому об институте разговора не было. Он пробовал ходить в вечернюю школу в 10-й класс, но бросил: уж слишком большой был перерыв между школами, да и он после армии и фронта был уже не школьник.

В 1948 году мы купили велосипед. Это была значительная по тем временам покупка. До этого у нас на улице велосипед был лишь у отца моих друзей, Ванюшки и Кольки Белоусовых. Мы с восхищением наблюдали, как их отец выводил красавец-велосипед с никелированными ободами со двора, садился, и мы бежали толпой за ним, куда хватало сил.

За велосипедом мы с Виктором специально ездили в Абакан, а затем эксплуатировали и ремонтировали его совместно. Были у меня и значительные по расстоянию поездки: уже в старших классах я два раза на нём ездил в Ермаковск, а это расстояние 75 км в одну сторону, да ещё с подъемом в Думную гору между Знаменкой и Казанцево. Говорят, что эту гору называли Думной потому, что когда в старые времена крестьяне везли на лошадях из сёл в Минусинск зерно на Пашенскую мельницу либо что-то ещё просто на базар, то по пути в гору у них было достаточно времени подумать о своём житье-бытье, шагая рядом с телегой.

С Думной горы открывается изумительный вид на долину Енисея с его излучинами, островами. А в дали, в дымке уже виден белоголовый Саян. Не один раз этой дивной картиной любовался мой дед.

Вообще, транспорт имел большое значение. Шоферы всегда пользовались уважением, благо их в Минусинске было много. Помню, мы с отцом, правда на тележке, ездили на мельницу молоть пшеницу и кукурузу. Мельница была недалеко от города, за кладбищем. За помол брали зерном. Мне было интересно наблюдать, как отец вычищает все остатки до последней крошки, вытекающие из-под жерновов по желобу (лотку), и не спешит завязывать мешок. Жили экономно, а кроме того, отец умел и любил торговаться, сбивать и назначать свою цену товару, ра-

боте, услуге. На базаре он торговался всегда и мне говорил, что настоящий торговец не любит, когда с ним не торгуются. Без торга нет торговли. Хотя я иногда и стеснялся за отца, но замечал, что с ним всегда торговались по-доброму, обеим сторонам это было интересно, привлекало в торг заинтересованный народ: отца, как правило, поддерживали, в итоге проигравших не было, и, если даже сделка не происходила, расставались удовлетворенные, хотя и при своих мнениях. Базар был не только местом купли-продажи. Это было общение, место обмена информацией, а кроме того, все почти друг друга как-то знали, хотя бы, кто с какой улицы, с какого края.

Много приходилось пользоваться паромными переправами. Я уже говорил о больших парамах через Енисей и Абакан, на которых летом скапливалось очень много машин, подвод, людей. Виктор, когда шоферил, по несколько дней ожидал очереди на пароме. В деревнях через малые реки были небольшие паромы разной конструкции, но чаще они приводились в движение течением реки, иногда паром тянули сами люди, а он двигался по канату.

У нас через Протоку кроме главного, Красного моста, было несколько переправ на лодках: у пристани и выше по течению, за стадионом. Переправы были платные, обслуживали их чаще всего инвалиды. Гребцы плавались бесплатно, а поэтому занять место за веслами было всегда нашей целью. Иногда приходилось пережидать несколько рейсов, если было много желающих грести. Но, как правило, взрослые за весла особо не стремились, а плавались чаще женщины с маленькими детьми. Так что иногда гребцов, наоборот, подхваливали за профессиональную работу. А я греб очень хорошо и готов был грести несколько раз, если не было желающих.

Зимой часто приходилось ездить на санях. Езда на санях значительно интереснее, чем на телеге. Во-первых, лошадь бежит проворнее, ей легче везти сани, если они, кроме того, без особого груза. Сани идут мягко, а ты лежишь на соломе или брошенной какой-либо дерюге и глядишь на близко от тебя мель-

кающий снег. Ровный бег лошади, поскрипывание полозьев, а ехать ещё далеко, и есть ещё время помечтать, подумать обо всём.

В те годы ребятишки много и азартно играли. Для меня и моих близких друзей первой игрой был футбол. Футболом были заражены все. На всех улицах были свои местные команды, отбор лучших игроков был естественный, без каких-либо протекций. Более высоким уровнем считалась игра «край на край». Наш край объединял улицы: Гоголя, Городчанскую, Ленина (часть), Минусинскую и ещё ряд переулков и закоулков по Минусинке. Главными нашими соперниками всегда были: Кузнечики (несколько улиц возле горсада — Кузнечные ряды), Пристанские, Заготзерновцы и даже Запроточники. Это были уже серьезные игры, к ним готовились, договаривались, назначались время и место, а после игры ещё долго обсуждались результаты. Чаше играли за Горсадом, но иногда и просто на улице, были такие безобидные для окружающих участки. За Горсадом одно время даже ставили вертикальные штанги, ибо их присутствие вызывало меньше споров. А споров было много, иногда игры кончались дракой.

Большой ценностью являлся сам «футбол», как живое круглое существо. Владельцы «футбола» имели дополнительные права и пользовались некоторыми привилегиями. Но «футбол» требовал и больших забот: бесконечные штопки покрышки и клейки камеры — этих видавших виды, но единственных на целой улице драгоценностей. Полдня штопки для 3—4 часов игры, и снова надо расшнуровывать, выворачивать покрышку, снова дратва, шило, клейка камеры сырой резиной, снова заправлять, надувать. Но затем первый долгожданный удар, и снова игра, обводки, проходы, голы, споры, радости и огорчения.

Для катания на лыжах было несколько наиболее популярных мест. Ближе всего были берега Минусинки, невысокие, но очень крутые с интересными и разнообразными спусками. Здесь мы любили прокладывать новые лыжни, называлось «торить» лыжню. Для более солидного катания ходили за горсад на большую Лысую гору и даже за неё. Там была очень интересная лыж-

ня, которую звали «выброска»: длительный всё ускоряющийся разгон, переходящий в крутой лог, и такой же вынос на противоположный склон лога. В конце разгона обычно ставили трамплины из снега высотой до метра так, чтобы приземляться уже можно было на склоне с последующим почти мгновенным выбросом на солнечную сторону лога. За несколько секунд большие физические и психические нагрузки, но зато громадный эмоциональный подъём. И снова в гору за новой порцией энергии. При этом соревновались, кто дальше пролетит с трамплина, расстояние мерили палками.

Ходили кататься на гору Бойня, а также за Протоку. Там были очень интересные горы, но это было сравнительно далеко, и ходили туда, когда подбиралась хорошая и большая компания.

Катание на коньках можно условно разделить на три вида. Наиболее доступным видом являлись игры на дорогах с клюшками и катание с обледенелых горок на Минусинке и на Протоке, то есть в тех местах, где возили воду с речек. Второй вид — это езда за машинами с помощью металлических крюков различной конструкции, формы и длины. Здесь уже определенный риск, можно было недоглядеть, особенно тем, кто ехал не с краю борта, и попасть коньками на золу, конский помёт, камень и т. п. Опасны и повороты, и вообще, этот вид катания был наказуем. Но и здесь свой азарт, риск, а значит, свои чемпионы и мастера-виртуозы. Третий вид — катание на чистом льду Минусинки после наледи. Но в этом случае требовались очень острые коньки, а значит, нужно тупые коньки после езды на дорогах наточить напильником с помощью весьма примитивных приспособлений, то есть просто на табуретке. Точили до седьмого пота. Первая мастерская по точке коньков открылась в клубе «Динамо», когда я уже учился в старших классах.

Для коньков требовались хорошие сыромятные ремни. Для этих целей лучшие ремни получались из бичей, которые мы приватизировали у зазевавшихся колхозников возле Заготзерна, куда они привозили сдавать хлеб государству. Зимой по Городчанской улице почти ежедневно шли обозы с зерном.

Самые лучшие клюшки делались из конских дуг. Из дуг получались две хорошие заготовки для клюшки, крючки. Дугу распиливали вдоль, выпиливали паз, подбирали хороший березовый черен и с помощью бинтов и столярного клея соединяли клюшку с череном. Хорошая клюшка — это была большая ценность. А обычные клюшки делали, вырубая молодой тополь или лучше березу с особо загнутым у земли стволом, с удобной и длинной ручкой. Хорошо обстрагивали и заматывали ударную часть клюшки ремнями для её надежности и долговечности.

Зимой очень распространена была игра в зоску. Зоска — это небольшая коженка с длинной либо короткой шерстью, на любителя, и с пришитой к коже свинчаткой с дырками, наподобие большой пуговицы. Играли и на улице, и в школе на переменах, кто больше набьёт. Благо, все были в валенках. Набивали и правой, и левой, и попеременно, и датским, то есть наружной стороной валенка. Здесь тоже были свои виртуозы, набивающие по сто и более раз, красиво, с разными фокусами, вывертами. Проигравшего «маяли», он должен был ловить отбитую зоску. Иногда несчастный маялся несколько дней.

Весной, когда только ещё начинал таять снег, у заборов — на солнечной стороне были такие особенные места — начиналась азартнейшая игра в пристенок. Видимо, пацанву после зимы тянуло к солнышку и к оттаявшей земле. Была ещё игра в чику, я в неё не играл, зато хорошо играл в пристенок, когда особой монетой (старинными рублями, Екатеринами) нужно было бить о забор с таким расчётом, чтобы твоя монета приземлилась в нужное место. Было несколько разновидностей пристенка: либо от своей монеты нужно было дотянуться пальцами до монеты соперника, либо попасть монетой в котел, предварительно наполняемый в обычном режиме игры. Здесь был уже большой азарт, большие деньги кому-то сразу. Иногда играли пара на пару. Мы всегда играли с Сашенькой Терешиним.

На выигранные деньги покупали квас, пряники, лепешки. Я много денег, по тем меркам, тратил, покупая здесь же у пацанов старинные и иностранные монеты, медали, бумажные день-

ги. Тогда, после войны, этого добра было много. У меня в то время коллекция старинных и иностранных монет была неплохая. На эти же выигранные деньги я покупал и марки. И что характерно, игра в пристенок была чисто сезонной, только ранней весной. Летом о пристенке и чике даже не вспоминали.

На марках следует остановиться особо. Тогда многие мои друзья собирали марки. Самый заядлый был Ростик, он немножко постарше меня, сирота, жил у своих деда и бабки. Позже, окончив лётное училище, погиб в Корее. Собирали мы марки весьма непрофессионально, а подсказать и объяснить хотя бы азы коллекционирования было некому. У нас не было ни каталогов, ни кляссеров, мы не имели никакого представления о сериях, блоках, хронологии, тематике. Покупали и меняли марки, наклеивали их в обычные тетради, да ещё по несколько раз переклеивали. Я уже взрослым, перебирая эти марки (они так и лежали у матери в Минусинске, примерно до 1972–73 годов, когда у Сергея появилось временное увлечение марками), убедился в их полной непригодности по качеству, и их пришлось почти все выбросить. Особой популярностью пользовались у нас марки по авиации, с изображением орденов и медалей, Арктики, военных эпизодов. Кроме того, в наших краях циркулировали тувинские и монгольские марки, которые особенно жалко, потому что не сохранились. Они имели весьма оригинальную форму ромбиков, треугольников, с интересными сценами охоты, изображениями зверей, природы.

Следует рассказать ещё об одном городском событии тех лет. Я уже точно не помню, когда у нас в Минусинске между Пристанью и Пашенской мельницей ходил мотовоз с одним или двумя вагонами, в которых возил в одну сторону зерно, а в другую — муку в мешках. Мотовоз ходил по улице Городчанской и как раз через наш двор поворачивал на улицу Гоголя, так что часть нашего огорода, стайки, колодец и туалет были отделены от дома железнодорожным полотном. Конечно, мотовоз представлял большую забаву для окрестных ребятишек: можно цепляться и ехать на подножках, класть под колеса пистоны и даже

патроны, а самые смелые на спор ложились между рельсами, когда мотовоз шёл обратно вагонами вперед. Не помню, сколько лет функционировал этот вид транспорта, мне кажется, года 2–3, а затем его не стало, рельсы разобрали, а мы снова воссоединились со своим огородом, стайками и туалетом.

А жизнь продолжалась: и есть хотелось, и тянуло на базы, где очень вкусно пахло замечательными лепешками по 10 рублей за штуку и так аппетитно выглядел варенец с поджаренными пенками. Ловкость и быстрота ног иногда помогали утолению постоянного голода. Приходилось играть и в азартные игры на деньги, участвовать в различных конфликтах местного и более широкого масштаба, принимать участие в набегах на сады за яблоками и ранетками (сад Бедро и другие сады за Протокой), пропадать на рыбалке, в борах за грибами. А осенью, когда в огородах все убиралось, устраивались грандиозные военные игры, строились настоящие крепости, которые одна команда штурмовала, а другая — защищала. Все были со щитами и вооружены шпагами. Сражались до последнего солдата. Война бурлила в наших жилах.

Много времени проводили на стадионе, смотрели все матчи городских футбольных команд, а особенно нашей сборной с главными и постоянными нашими соперниками — сборными Абакана, Черногорки, Усть-Абакана, Красноярска и даже Норильска.

Очень притягательным местом был Горсад, в который мы часто вечерами наведывались большими компаниями. Горсад считался вотчиной нашего края. На танцплощадку сначала глядели через решетку снаружи (в то время там доминировало поколение Виктора, фронтовиков), а в старших классах уже сами осваивали внутреннее пространство.

Поколение и зрелость человека — всё это довольно условно и зависит от характера жизни и духа времени.

В 1947 году Виктору было всего 22 года, но он и его фронтовые друзья были для нас как бы из другого мира. Они были «старше нас на войну».

Они с таким же, если не с большим азартом, играли в футбол, в волейбол, часто в одних с нами командах, но и на поле, и в раздевалках, на трибунах и на танцплощадке мы держали с ними положенную не по возрасту дистанцию, глядели на них, как на бывалых «стариков», внимательно слушали их разговоры, перенимали манеры, ловили отдельные выражения и слова. Возвращение их из армии внесло и определенное упорядочение и успокоение в нашу послевоенную уличную стихию, исковерканную и расклокоченную войной, часто лишенную не только моральных, но и обычных человеческих устоев и принципов.

Помню, как мы, правда, с моим двоюродным братом Федей Сучковым, отслужившим связистом на фронте от звонка до звонка, пришли в кинотеатр «Енисей» брать билеты. Картина обычная: очередь спокойно стоит и ожидает в стороне, а у кассы шалман полублатных и приблатненных, не обращая внимания на окружающих, берет билеты в порядке своей корпоративной классификации и своего лично-харизматического рейтинга.

И я был поражен, как Федя очень спокойно, без шума, без рук отодвинул эту толпу (а на мой взгляд и имеющийся опыт, здесь были очень решительные, самолюбивые и опасные по своей натуре субъекты) от окошечка кассы, и все пошли в порядке очереди. Он был фронтовик, и в этом вся загвоздка.

Конечно, это лишь эпизод в нашем кинотеатре «Енисей», но всегда с чего-то же начинаются перемены. Кому-то должна прийти первому мысль, что так жить дальше нельзя.

Нужно отдать должное тому времени: было много соревнований различного ранга, в том числе и городских. Хорошо работал ОСВОД и лодочная станция, была пятиметровая вышка для прыжков в воду, поэтому мы много и часто плавали на лодках, а полноводная Протока была очень уютна с её красивыми берегами, громадными тополями и спокойным, но довольно причинным течением.

В старших классах катались уже с одноклассниками. Обычно нас было трое парней, т. е. брали три лодки, в каждой распола-

гались, как правило, по две девчонки. Ко мне обычно садились подружки — Лариса Бабич и Тамара Ткаченко, хорошие певуны.

Мы же, конечно, где было возможно, устраивали состязания: были такие места возле стадиона и выше его, где нужно было очень здорово полопатить веслами, чтобы преодолеть течение Протоки. И на этих участках в гонку уже включались наши девчонки: они отчаянно переживали, болели, визжали и пытались даже грести руками каждая по своему борту, но это быстро превращалось в водную феерию — всеобщее обливание, неизбежное раскачивание лодок, а значит, игрушки да смешки, шутки да потешки.

Красный мост. 1949 год

Следует сказать, что мы в те годы много времени проводили за городом, участвуя в различных плановых и спонтанных компаниях и мероприятиях, а также походах и поездках за грибами и ягодами, дровами и шишками, арбузами. Со взрослыми бывали на больших рыбалках, на озерах и даже на Енисее, на

его островах. Сторожили бахчи у Соломенниковых, наших соседей-староверов, ездили в тайгу за ягодой на бортовых машинах наших знакомых шоферов. А поэтому окрестности города знали хорошо.

По дороге в Городок у нас была пашня, где мы садили картошку и бахчи и куда ходили, как правило пешком, копать свою делянку, летом полоть и тяпать, а осенью с тележкой или с запряженной в телегу нашей Майкой ездили за выращенным урожаем. За Горсад на Лысую гору и на Бойню ходили зимой на лыжах, а летом ловить капканами сусликов, копать солодку и саранки. Искали, что можно поесть и пожевать.

За Протокой, на Тагарском острове, бывали, как зимой — на лыжах, так и летом, участвуя в набегах на сады, а осенью ходили за грибами. Хорошо знали берега Протоки, много плавая на лодках и участвуя в рыбалках и всевозможных пеших походах.

Приходилось часто бывать в сосновых борах, расположенных по направлению к Знаменке, по Кызыльскому тракту, где было очень много грибов, особенно рыжиков. Когда началось строительство железнодорожной станции в районе, где Протока отходит от Енисея, образуя Тагарский остров, организовывали и туда походы. Там были красивые, скалистые берега, тихие бухты с песчаными пляжами и хороший сосновый бор. Я не мог в те годы предполагать, что через 40—50 лет, уже живя в Кемерове, буду сотрудничать с предприятиями, которые возникнут как раз в тех местах, и я буду приезжать на свою малую Родину и договариваться о получении вакуумных контакторов для наших заводских пускателей, а для геофизического предприятия МинОМЭ (сейчас оно называется Геотехноцентр и входит в Восточно-Сибирскую нефтегазовую компанию), изготавливающего передвижные, на тракторной тяге, источники сейсмических сигналов «Енисей-СЭМ», наш институт будет изготавливать импульсные ударные электромагниты усилием 25 тонн (а всего их монтируется четыре на одну установку, и весят они в общей сложности почти две тонны).

Эти ударные двигатели — электромагниты разработаны нами совместно с Виктором Ивашиным, работавшим уже в те годы в Тольяттинском политехническом институте, а особенности их расчета и проектирования были темой диссертации Леши Карковского, которую он защищал в Томске в марте 1985 года (кстати, в день траура по поводу смерти Черненко, а поэтому банкет на всякий случай перенесли из студенческого кафе на квартиру к Вале Обруснику, нашему сокурснику-приводчику, отличному товарищу и очень хорошему человеку). Руководителем диссертации у Леши был Ивашин Виктор, оппонентом — Бухгольц Юра, а главное предприятие, внедрившее разработку, представлял Власов Валерий. Г. А. Синайлов, патриарх томских электромехаников, был в восторге по этому поводу: все мы представители одной 732 группы ЭМФ выпуска ТПИ 1957 года.

Как всё в жизни увязано и тесно переплетено! Приятно вспомнить, как мы с Виктором Ивашиным, приезжая в Минусинск на конференции по сейсморазведке, жили в новой гостинице-турбазе за Протокой на её берегу перед стадионом, а днем после заседаний ходили по городу и я показывал ему все самые интересные и памятные для меня места, в том числе роддом на Октябрьской улице, где я родился, и, наверняка, родилось большинство нас, минусинцев. Были в Соборе, Мартыановском музее, ходили на стадион, в Горсад. На базаре я купил солодку и со вкусом жевал её, а Виктор, не оценив этот продукт, хохотал над мной. Он впервые видел солодку, и она не произвела на него того впечатления, которое вызвала у меня, напомнив запахи и вкус детства.

И когда мы с ним уже в новейшую нашу историю гуляли по моим любимым минусинским местам и берегу Протоки, он читал мне стихи своего любимого Тютчева, который за всю свою творческую жизнь издал лишь небольшой томик стихов, но который позволил ему войти в десятку самых выдающихся поэтов России за всю её историю.

Действительно, какая в них прозорливость и боль за свою страну!

*Напрасный труд, — нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация — для них фетиш,
Но не доступна им её идея.
Как перед ней не гнись, господа,
Вам не списать признания от Европы.
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

Многое, конечно, изменилось, что-то потускнело, потеряло былую исключительность. Появились новые, более заметные объекты и места. Старое растворилось в новом, утратило свою былую значимость и роль, которую оно играло в той нашей детской жизни, но моя собственная память легко помогала восстанавить прежние чувства и ощущения. И не хватало лишь тех людей, которые неотделимы от того времени и которые, видимо, и составляют главную часть и сущность его.

А вот кино в нашем детстве было больше, чем кино. Помню те нескончаемые томительные минуты ожидания начала фильма, как чего-то нового в твоей жизни. Все события фильма переживались натурально, как если бы ты сам являлся непосредственным их участником. Это была вторая реальность, где мы жили не менее активно, где мы боролись и искали свое будущее.

А какие были фильмы! У меня сохранился список 120 фильмов, просмотренных мной, правда, не известно за какой период и когда, и как он был составлен: то ли сразу по памяти, то ли в течение какого-то времени. Конечно, здесь и «Чапаев», и «Котовский», и «Волга-Волга», и «Веселые ребята», «Парень из нашего города» и «Трактористы», «Кубанские казаки» и «В шесть часов вечера после войны», «Возвращение Максима», а также «Суворов», «Кутузов», «Петр I», «Молодая гвардия» и «Секретарь райкома», «Ленин в 1918 году» и «Ленин в октябре». Одни лишь названия до сих пор волнуют кровь: «Белеет парус одинокий», «Поезд идет на Восток», «Сказание о земле Сибирской», «Семеро смелых», «Первая перчатка», «Центр нападения», «Багдадский вор», «Индийская гробница», «Взятие Берлина», «Подвиг разведчика», «Смелые люди» и, конечно, «Тарзан». Это вам

не пошлые и глупые боевики и бессмысленно-однообразная современная фантастика, помешавшиеся на стрельбе и разбое.

Да, кино было тогда всеобщим увлечением. У моих внуков кино уже не проблема, у них другие увлечения: компьютеры, видики, но у них при этом не возникает тех эмоциональных подъемов, какие мы в детстве переживали в нашем единственном в то время кинотеатре «Енисей». А может, я не прав? Видимо, у всех поколений свои песни. Ведь жили же наши отцы и деды без кино, телевидения и даже Интернета и, наверняка, были не менее счастливы. Наоборот, готов спорить, что гуляли и развлекались они более красиво, более активно и эмоционально.

Не могу себе представить, чтобы собравшиеся у нас в Минусинске за столом гости вместе с хозяевами, все как один, устали бы, как загипнотизированные, в «ящик» под названием телевизор и глядели в Новогоднюю ночь, как пошлая компания затасканных поп-артистов пытается изобразить юмор и веселье. Так не уважать себя они бы не смогли! Они действительно жили свою жизнь, наполняя её и юмором, и весельем, и песнями, и музыкой сами, как могли, до краев. И за столом, да и вообще в жизни наркотики им не требовались. Хватало естественных стимуляторов, да ещё присутствовало в достатке самотворчество. А в свахиной хвасты нет сласти.

Расскажу ещё об одном виде спорта, связанном с прыжками в воду. Пользовались популярностью прыжки с Красного моста через Протоку. Это было довольно высоко, я даже не примерялся к этому виду проявления отваги и духа, хотя с пятиметровой вышки прыгал довольно успешно. А поэтому с моста прыгали только отдельные, всем известные личности. Момент прыжков выбирался, когда люди возвращались со стадиона после матча и шли через мост, т. е. при всеобщем внимании и интересе. Но был в городе человек, который прыгал не только с пешеходной части моста, но и забирался на фермы моста и прыгал с них. Это был всем известный в городе Витя-культипка (Культа), взрослый парень, скорее уже мужик. Кстати, в свое время он учился у моей матери и всегда при встрече здоровался

с ней, и мне это было очень приятно и позволяло считать его и своим знакомым. Он имел маленькие ноги и руки, был поэтому небольшого роста, могуч в груди, обладал громадной силой и работал грузчиком на мельнице. Был очень популярной личностью в городе, о его силе и ловкости ходили легенды. Действительно, его полет с ферм моста впечатлял не только нас ребятишек. Это было запоминающееся зрелище. А вынырнув из воды (под водой находился очень долго, и это, видимо, тоже входило в общую программу аттракциона), под общие возгласы одобрения плыл к берегу, загребая своими маленькими ручками.

После окончания начальной школы я по всем территориальным правилам был переведен в ближайшую от нас среднюю школу № 5, она располагалась на незастроенной площади за Пашенской мельницей, на месте разрушенной до войны церкви. Но 10-й класс я был вынужден заканчивать в школе № 3 в связи с тем, что к этому времени в двух средних школах (№ 5 и 3) учеников, дошедших до десятого класса, едва хватало лишь на один полноценный класс. Действительно, начиная с шестых классов, отсев учеников был очень большой. Многие после 7-го класса уходили в ремеслуху, где привлекали небольшая стипендия, бесплатное питание, казенная форма и ремень с пряжкой, на которой сверкали объединяющие всех буквы РУ. Ремесленные училища входили в весьма популярное в то время добровольное спортивное общество (ДСО) «Трудовые резервы», которое имело собственные футбольные и другие команды, технически достаточно оснащенные и организованные.

Таким образом, в 1952 году в Минусинске было выпущено всего два десятых класса: наш сводный в школе № 3 и в школе № 4. Однако мой отец был доволен моим вынужденным переходом в школу № 3, так как он и раньше говорил мне, что «было бы неплохо тебе, Валерий, поучиться у Жбанова Александра Ефимовича», которого он считал лучшим физиком в городе. И это действительно был учитель от Бога.

В школе у меня очень хорошо шла математика. Я всегда был лучшим учеником по всем её видам: алгебре, геометрии,

тригонометрии. Любил физику, меньше химию. Совсем не любил немецкий. Не знаю по каким причинам, но в Томске как-то сразу, с первого взгляда (звука) полюбил английский. Но главное внимание в нашей среде в то время уделялось спорту: футбол, коньки, лыжи и шахматы.

В то время ежегодно проводились городские шахматные турниры среди лучших шахматистов всех школ. Я, начиная с шестого класса, участвовал в этих соревнованиях. У меня до сих пор есть дипломы, которые подтверждают, что в 8-м классе я был лучший в городе среди школьников, в 9-м делил I и II места, а в десятом был на II месте. Моим постоянным соперником был Пронский из школы № 4 и мы с ним, главным образом, и определяли судьбу первого места. В последние годы мы оба с ним участвовали и во взрослых турнирах, в которых в это время постоянно играл и Виктор. Признанным в то время чемпионом города был Фирюлин. Он даже на стадион ходил с шахматной доской. Мне очень хотелось у него выиграть в турнирах, но увы... Я даже помню, конечно, не сами партии, а то, в какой атмосфере они протекали, свои переживания, его позу и разговоры. После партии он как-то сказал, что с молодыми надо быть осторожным и не спешить, они горячие, но партию до конца довести не хватает выдержки, где-то всё равно ошибутся. И у него была присказка: «Хорошо девки пляшут!».

В старших классах вместе с моими друзьями Борисом Новоселовым и Генкой Бедристовым я играл в футбольной команде «Динамо-2», а в составе юношеской сборной участвовал в соревнованиях в г. Красноярске после окончания 10-го класса. Но мы проиграли свой первый матч юношам из Норильска (кажется, 0 : 2) и были вынуждены вернуться домой. Это была моя первая дальняя поездка.

К характерным явлениям того времени следует отнести большое развитие в школах художественной самодеятельности. Сам я участия не принимал, но любил посещать школьные вечера, которые, кстати, проводились очень часто. Сначала выступала самодеятельность, а затем, как правило, были танцы

под баян. Ещё в школе № 5 я хорошо научился танцевать вальс и фокстрот. Моим учителем была Надежда Карнаухова. Можно сказать, что это ей я обязан умению неплохо танцевать вальс, а это, без всяких натяжек, очень нужное и совсем не пустячное дело.

К зимним каникулам в школах отбирались лучшие художественные номера, а в театре проводилась городская олимпиада среди всех школ, которая отбирала уже самое лучшее для заключительного концерта. Попасть на эти вечера было очень трудно, но мы и тут ухитрялись любыми способами проникнуть на все представления. Мы знали все входы и выходы в театре, а иногда бегали даже раздетыми из домов своих однокашников, живущих недалеко от театра. Искусство требовало жертв.

Можно смело сказать, что школьные олимпиады в то время оказывали большое эмоциональное воздействие на основную массу школьников, их очень заинтересованно обсуждали в школе и дома. Мои отец и мать всегда старались побывать на заключительном концерте, ибо они хорошо знали школьную среду и это им было интересно. Я помню, как в одном из эпизодов на сцену выезжал Всадник на живой лошади. А мать рассказывала, что присутствовала на представлении, когда собачка, участвовавшая в действии, появилась на сцене и, напугавшись большого количества людей в зале, присела и опросталась, тогда как на репетициях у неё получалось всё по сценарию.

Как я уже говорил, большую роль в жизни молодежи в то время играл горсад. Он находился недалеко от нас, и почти каждый вечер из горсада слышалась музыка, часто играл духовой оркестр, а это волновало и притягивало. Он и днем не пустовал. Там была хорошая и уютная волейбольная площадка, летняя эстрада. Весной, сбегая с уроков, мы в горсаду неплохо проводили время. Он и от школы недалеко. Вечером народ по нашей улице шел валом в горсад на танцы. Танцплощадка была огорожена сеткой, кругом высокие и густые сосны. Несколько сосен стояло прямо на танцплощадке, т. е. их оставили нетронутыми при её строительстве.

Мы с друзьями и девочками из своего класса стали посещать танцплощадку только с 9-го класса, а до этого гурьбой бегали по всему саду, глазели через сетку на танцующих, на знакомых взрослых парней. Брат Виктор, вернувшись в 1947 году из армии, постоянно участвовал в танцах. Тогда в моде были брюки клеш, ширина брюк достигала 45 см. Помню, как Виктор шил себе бостоновый костюм, и когда он шел, особенно с девушкой, в горсад, мы, пацаны, с восхищением глядели на него. Очень красиво! Брючины, как крылья громадной птицы, взмывали и обвивали ноги при каждом шаге.

Каждый вечер, как коронный номер, признанными танцорами исполнялась цыганочка. Их сначала долго уговаривали, хлопали, просили. Публика, да и они сами, как бы разогревались, создавалась атмосфера напряжения, внимания, азарта. И лишь после того, как внимание всей площадки было приковано к исполнителю, все были возбуждены и готовы к восприятию этого ритуала священнодействия, взрывался баян (до этого он лишь слегка наигрывал), и начинался выход, а затем исполнялся и сам танец-цыганочка. Описать его невозможно, его надо видеть, ибо в нем есть что-то магическое, когда один танцующий человек овладевает сердцами всех присутствующих без исключения.

Встречались очень большие мастера этого танца. Все они были знаменитыми людьми в городе и, как правило, главными хулиганами. Но их уважали, ибо в душе это были большие артисты.

V. ЕРМАКОВСК

Летом, особенно в старших классах, я ежегодно бывал в Ермаковске, на родине отца и Виктора. В это время там жили моя бабушка Александра Денисовна и её дочь тетя Дуня. Бабушка лежала с 43-го года разбитая параличом после получения похоронки на её младшего и самого любимого сына Михаила, 1908 года рождения, а тетя Дуня вела все хозяйство: огород более 20

соток, корова, телки, куры. И вот совершенно без пособий и какой-либо материальной помощи, особенно в начале войны, эти две старухи (тете Дуне в 1945 году было 55 лет, а бабушке — 81 год) пережили войну и послевоенные годы, а все их сыновья (мой отец, дядя Сережа, дядя Миша и Федя, сын тети Дуни) с первых дней войны были на фронте.

Часто мы приезжали вместе с отцом, чтобы подремонтировать дом, стайки, ограды, ворота, т. к. всё было старое, древнее, деревянное. Отец был хромой, и мне приходилось помогать ему, особенно при ремонте крыш, а поэтому я хорошо был знаком с топором и молотком. Заготовливали дрова и сено.

Дедушка Михаил Кузьмич умер в 1943 году. Я его помню, но очень слабо, по довоенным приездам. Он был небольшого ростика, с бородой. Запомнил я его, стоящим на небольшом чурбане возле ворот и смотрящим через ограду на улицу.

Дедушка с бабушкой и маленькой Дуней прибыли из Рязанской губернии в Сибирь на вольные земли примерно в 1893—1894 годах вместе со своими двоюродными братьями Майоровыми. И эта ватага моих сородичей на нескольких подводах пробивалась с Рязанщины на юг Красноярского края более двух лет. Почему именно сюда? Дальше и ехать-то было некуда: впереди уже Саяны. Ехали летом, а зимой батрачили, ремонтировали скарб и копили силенки на следующий этап. А ехать-то нужно было более 4500 километров. Сколько нужно было совершить только переправ через многочисленные реки! За Уралом и мостов-то почти не было.

У этих людей, решившихся на удивительное по устремленности и полной непредсказуемости путешествие, была большая и благородная цель — найти себе и своим детям новую, более свободную родину на своей необъятной земле.

И как хотелось бы хотя на миг увидеть этих бедолаг в пути, проникнуться их духом, узнать основные их заботы и трудности. Их путешествие по риску, эмоциональному накалу и физическим нагрузкам, видимо, не уступало кругосветкам нашего Конюхова. Никто их не ждал, не спонсировал, звонить было

некуда и некому. Была только надежда на силы и смекалку своего небольшого коллектива, на сплоченность, организованность и взаимовыручку. И вера в Бога: этого было в достатке.

Все остальные дети родились уже в Ермаковске. Сначала они батрачили, но затем постепенно поднялись и окрепли. Все они были очень религиозны, дедушка не пил и не курил, был отличный плотник и столяр. До сих пор на главной площади Ермаковска стоят три дома, построенных моим дедом. Здесь же был и четвертый, но сгорел. Он их строил своим сыновьям, но в 29-м году эти дома у него отобрали. Деда не сослали, так как в это время ему уже было 56 лет, однако искупать «ошибки» отца пришлось самому младшему сыну, Михаилу, которому в то время был 21 год. Он, сын кулака, пять лет отработал за отца на Черногорских копях, а в 1943 году погиб за свою Родину. Отец же мой, окончив в Минусинске реальное училище и ещё какие-то курсы, уже с начала 20-х годов работал в школах Ермаковского и Каптыревского районов, где и познакомился с моей матерью, тогда ещё совсем молодой учительницей (она была на 7 лет моложе отца).

Одно время они жили в Ермаковске, там и родился Виктор, но ближе к годам «великого перелома» перебрались в Минусинск и как бы уже не были связаны с «кулацкой» собственностью и не претендовали на неё. Лишившись домов, дедушка построил себе на самом краю Ермаковска избенку в одну комнату с большой русской печкой, где они с бабушкой и закончили свою жизнь. А затем на этом месте, но уже в 1961 году после выхода на пенсию построил большой крестовый дом дядя Сережа, привел в него молодую жену (тёте Тане было в то время 38 лет, у нее был взрослый сын, а первый муж погиб в войну), отпраздновал свадьбу, а в 1962 году она родила ему сразу двух сыновей — Валерия и Володю, которые были на три месяца моложе нашего Сергея, их племянника. Со слов дяди Сережи: «Таня собралась рожать. Я к вечеру увел её в больницу (это от них через две усадьбы), прибрался по хозяйству, накормил живность, поел и лег. Уже заснул, слышу стук в окно и крик: «Дед, у тебя сын родился!» Вышел, стоит практикант. Говорю: «Заходи!» Сели, выпили, закусили, он ушел. Я

лег. Ещё не заснул. Снова он же кричит: «Дед, у тебя второй сын родился!» Тут что-то я заволновался, надел штаны, рубаху, пошел разбираться. Нет, всё верно: оба мои.

*Две свадьбы в Минусинске – наша с Аллой и дяди Сережи.
Сидят (слева направо): мать, отец и мама Аллы. Стоят: жена двоюрод-
ного брата Оксана, тетя Таня и Алла – две невесты, дядя Сережа, его
приемная дочь Люся, автор и двоюродная сестра Катя. 1961 год*

Мать мне много рассказывала про тот период их жизни (1923—1928 годы) в Ермаковске. Шел нэп, жили зажиточно, большой семьей, все вместе. Все молодые: отец с матерью, дядя Сережа с первой женой, Михаил, совсем ещё молодой парень. Правда, тетя Настя, сестра отца, была замужем, и они (Васильевы) жили отдельно. Всем домом управляла бабушка, она была строгая, властная, экономная, но справедливая, во всяком случае так представлялась своим молодым невесткам. Хозяйство

большое, многоотраслевое. Держали лошадей, коров, культивировали табак и кукурузу на зерно, сеяли рожь. Табак сдавали в Минусинск на табачную фабрику. Зимой заготавливали лес и строили дома, но пожить в них не довелось. В одном из них сейчас находится нарсуд, правда, достроенном и перестроенном. Дом, который был построен моим дедом для своего сына Сергея, дядя Сережа в конце своей жизни, уже в период либерализации, пытался отсудить. Было даже заведено дело, живы были и свидетели тех событий, но ему сказали, что нет главного основополагающего закона, осуждающего раскулачивание как незаконное явление и грабеж самого трудолюбивого слоя русского народа, что, естественно, предполагало бы возврат имущества бывшим владельцам собственности или их наследникам. Да, Бог с ними, с домами! Главное, что до сих пор стоят и служат людям. Интересно, какую сумму аренды за это время они могли бы принести. Ужас!

Запомнился рассказанный матерью эпизод того времени. Однажды, ближе к осени, семья готовилась к обеду. Ещё не успели сесть, как в соседней комнате, выходящей окнами в узкий проход между домом и забором, за которым была уже соседняя усадьба, раздался звук разбитого стекла. Все вскочили с мест. Да, действительно, на полу лежали стекла разбитой нижней части одной из створок рамы, буквально на днях застекленной дедушкой. Все с интересом осмотрели место происшествия, выглянули на улицу, заглянули даже за забор, но не обнаружили абсолютно ничего подозрительного. За столом поудивлялись странному происшествию, его непонятности и даже таинственности, обсудили всевозможные версии — от сверхъестественных до «само лопнуло», поели и забыли.

Через день-два дедушка снова вставил стекло, и семья вновь готовится к обеду. И в этот момент снова — бац — уже знакомый звук разбитого стекла. Да, того самого, только что вставленного. Всех выдуло из-за стола, кого куда: на улицу, за забор, к соседям, на крышу. Тут уж стало не до смеха. Вся семья напряглась, мобилизовалась. Мужики сговариваются дежурить, организо-

вывать засады. И в таком напряжении прошло несколько дней. Но в жизни всё проходит, и это таинственное явление постепенно стало отступать, тускнеть. Дедушка снова вставил стекло.

Снова дело к обеду, снова все за столом. И вдруг снова — бац! За столом немая сцена, на лицах у всех ужас. Старшие молятся, молодые, хоть и неверующие, но почувствовали что-то сверхъестественное. Конечно, бросились к окошкам, разбита та же злополучная часть рамы, и снова никаких улики....

И мать говорит, что она не знает, как развивались бы события в семье, если бы в это время в комнату не вошел маленький Федя (ему в то время было года три—четыре, он с 1919 года рождения) с громадным собственным котом на руках, всем показывая на него, как на виновника последних событий. И вот тогда всем всё стало ясно. Кот был стар и подслеповат, но крепок и могуч, и продолжал по инерции являться к столу кратчайшим путем, прыгая с забора на подоконник, и после того, как этот путь был застеклен дедушкой.

Этот вариант не рассматривался по причине полной неосведомленности взрослого населения дома в приобретенных котом за целое лето привычках, но которые, конечно, хорошо были известны маленькому Феде. Он не раз, видимо, наблюдал, как кот прыгал с забора на подоконник, мгновенно оказываясь на полу и по-хозяйски проходя в столовую под стол. И когда взрослые, выпучив глаза, вбегали в комнату, все их взоры были направлены вверх, за забор, на улицу, а кот в это время уже был в столовой. Возможно, кот постепенно и отвык бы от приобретенных им привычек, но у взрослых ведь всегда не хватает терпения на перевоспитание.

Мне нравилось бывать в Ермаковске. Работать, конечно, приходилось много: косить, пилить и рубить дрова, пасти корову и теленка, сбивать масло в берестяной маслобойке, крушить кукурузу на специальном станке, сделанном ещё дедушкой в виде большой деревянной ступы и коромысла, стоя на котором и переступая с ноги на ногу, можно было совмещать тренировку ног с полезным делом.

Нравилась какая-то свобода и воля по отношению к нашей «городской», с большой натяжкой, жизни. И кроме того, я хорошо отъедался на деревенских харчах: картошка, молоко, сметана, кукурузные лепешки, семечки, которые стояли у тети Дуни мешками и которые по вечерам все лузгали, сидя на заваulinках возле клуба в центре Ермаковска.

У нас с тетей Дуней были полное взаимопонимание и большая дружба. У неё был очень жизнелюбивый и оптимистический характер, хотя она прожила довольно сложную жизнь. Личная жизнь не сложилась: она вышла замуж, но неудачно, и со своими детьми Юлей и Федей жила в доме родителей. А поэтому на ней лежала самая тяжелая работа: стирка на всю семью, уборка и работа в огороде. Когда я её узнал, она уже полностью не разгибалась и ходила по дому и двору только согнутая. Считаю, что если есть на свете святые, то тетя Дуня, несомненно, в их числе. Характер сохранила открытый, приветливый, всесельный. Я не помню её унывающей, но хорошо помню её улыбку. А как она любила всех своих животных, ухаживала за коровой, за своим котом, как угощала нищих, хотя сама ела что-то подозрительное и всегда в сторонке, на ходу. Мне кажется, сохранить этот дух ей помогала религия, её вера, а в Бога они верили вместе с бабушкой беззаветно.

Иногда у них по утрам в большие религиозные праздники собирались старухи, да и не только старухи, со всего околотка. Я, как правило, спал на сеновале, и если просыпал время их сбора, то приходилось ждать часа 2—3, пока они не расходились.

Из развлечений в Ермаковске на первом месте был по вечерам волейбол на очень удобной и уютной площадке возле школы, напротив стадиона с футбольным полем, но футбол здесь не культивировался и играть было не с кем. Но зато волейбол шёл очень хорошо, играли в основном студенты, приезжающие домой на каникулы.

Иногда днем с ребяташками бегали купаться и на Ою, и на Мигну. Но нужно сказать, что Ермаковск, во всяком случае в то время, не был водным, речным селом. Во-первых, сама Оя всё-

таки таежная река с густозаросшими берегами, с быстрыми перекатами и глубокими ямками, наспигованными корягами и топляком, хороша для рыбалки, но не для купания. Во-вторых, большая часть села расположена далеко от реки, а поэтому не было массовых мест для купания, как у нас в Минусинске. Видимо, так было и в молодости отца, ибо он плавать почти не умел, а может быть, у крестьянских ребят и времени на это не было. Мать же моя, выросшая на берегу Енисея, плавала как рыба и свободно переплывала Енисей.

И вот однажды они втроем, тетя Дуня, отец и мать, пошли за ягодой по берегу Ои. Было очень жарко, и мать, переплыв Ою, обнаружила хорошую ягоду и крикнула об этом отцу. Отец тут же заявил, что он плывет к ней, так как в прошлом году, когда мать была занята рождением Виктора, он научился плавать. Но, попав на середину реки, видимо, забыл пройденные уроки и спокойно сообщил матери: «Нина, тону». Отец, сколько его помню, особо не шутил, тем более в таких ситуациях. Мать бросилась к нему, а когда доплыла до предполагаемого места, увидела его, увлекаемого течением, уже глубоко в воде. Нырнув и как-то схватив его, выгребла на мелкое место, сколько было сил подтянула к берегу (а отец был мужик добротный), посадила в воде, а дальше не знает, что делать. Тетя Дуня на противоположном берегу призывает всех святых на помощь и просит мать делать что-нибудь. Сама же она выше колен в реку никогда не заходила. Уже почти отчаявшись, мать наклонила отца и поддала ему коленкой в живот, и вдруг из него полилась вода, а вскоре он начал проявлять признаки жизни. Тут мать растормошила его, хотя он всё порывался прилечь, потом ещё долго ходили по берегу, как Адам и Ева, пока он совсем не очухался. Плыть обратно у него уже не было желания, пришлось искать перекат.

Поэтому, когда в семье происходили ссоры, отец заявлял матери, что она могла бы не спасать его. Не знаю, возникали ли у неё самой сожаления на этот счет.

Зато Ермаковск славен своими борами, своей лесной красотой, зеленым убранством. Здесь и трава более сочная, ярко-

зеленая, пахучая, и у коров от удовольствия слюни тянутся до земли. Много ходили в лес за земляникой, клубникой, черемухой. Недалеко были отличные черемуховые колки, где крупная и вкусная ягода. Черемуху люблю до сих пор, любил её и отец. Когда хотелось в лесу пить, ели костянику. Собирали и грибы, в основном рыжики, грузди и маслята. Ещё встречались лисички и волнушки, никаких других и не брали, и не знали.

По вечерам вся молодежь была в клубе или возле него — на крестах, как называли это место. Хорошо помню тихие и ласковые вечера в Ермаковске, который со всех сторон окружен сосновыми борами, поэтому воздух здесь особенный, несравнимый ни с чем: свежий, густой, хмельной, дышать легко и сладко. И особенно его прелесть ощущалась вечером при возвращении с крестов. Старушки мои давно уже спали, я в кладовке находил молоко в кринке, выпивал его и шел спать на сеновал.

Именно в Ермаковске, на родине отца, я душой прочувствовал мощь и многоликость, избыточную плодovitость и густонаселенность нашей южносибирской тайги, а также изумительную красоту, буйство красок, форм и сюжетов, наконец, естественную уютность окружающих это село боров.

Отец рассказывал, что мой дед, Михаил Кузьмич, любил лес и хорошо разбирался в свойствах различной древесины, роли и назначении каждого из обитателей этого разномасного мира, знал, что из дерева можно сделать и икону, и лопату, а можно и избу срубить.

Здесь мне впервые самому довелось на небольшом пространстве, сразу за огородом, увидеть, как весной или ранним летом всё живое, нарождающееся стремится осуществить какой-то тайный, только ему предопределенный указ свыше: вылупиться, прорезаться, распуститься, расцвести на миг, благоухать для всех, удивить мир собой и своим потомством.

Здесь я полюбил всех наших хвойных братьев и сестер, скромных и родных. А как по-разному весной они рвутся в жизнь.

Сосна одна из первых салютует ввысь многочисленными яркими стрелами — свечами, гордясь собой, радуясь и торжествуя.

Пихточка же скромно выпускает свои мягкие изумрудные лапки — ладошки, претендуя на эстетику и надеясь на особый изысканный вкус окружающих.

Ель не спешит. Поначалу она скромно прячет свои побеги в светлых почках-бутончиках, которые затем лопаются, и из них появляются ярко-зеленые мохнатенькие существа, которые все, как по команде, стремятся не ввысь, там и так всё свободно, а строго, как на плацу повзводно, — вширь, завоевывая себе дополнительное пространство в густозаселенной тайге.

Лиственница, не мудрствуя, враз выбрасывает из всего своего тела, истосковавшегося по теплу и солнечной ласке за долгую зиму, сразу массу мягких кустиков — пучочков, которые так и хочется погладить и тайно приласкать.

А кедр, этот царь тайги, ему и не требуется никого удивлять, он уверен в своей царской стати и положенном только ему величавом убранстве. Весь его вид и обличье говорят о мощи, мудрости и вечности. Его побеги не рвутся ввысь, это для него не главное, они у него и так по-царски великолепны и величественно свисают под своей тяжестью, напоминая чем-то регалии древнего монарха, венчанного на царство.

Да, всё ермаковское вспоминаю с нежностью, с трепетом и любовью, эту трудовую, чистую и простую жизнь на природе с неприязнательными людьми, составляющими неотъемлемую часть её самой.

Из рассказов обеих бабушек, тети Дуни, дяди Сережи, отца и матери у меня, пацана-школьника, сложился образ старой России — прекрасной и доброй страны, в которой жизнь была нелегкой, но люди, ежели ты здоров и работаешь, были счастливы и жили полной, какой-то удалой и вольной жизнью.

От их рассказов веяло строгостью нравов, тяжким и кропотливым трудом, ответственностью, т. е. творчеством в труде и жизни, а также теплотой, открытостью и душевностью отношений не только в семье, но и во всем деревенском сообществе.

Может быть, это относилось только к Сибири, которая заселялась, действительно, самодеятельным и свободолюбивым народом, но и это для нас, потомков, очень важно.

Мне этот образ старой Сибири, созданный моими сородичами, запал в душу на всю жизнь. И я, ещё пацаном на слово веря нашей официальной пропаганде, старался понять, чем же должна была быть эта идефикс, во имя которой «необходимо было» разрушить тот «старый мир» и ту прежнюю жизнь моих предков.

А жить всё-таки надо было и прежде всего самому с собой, поэтому на каком-то отрезке своей жизни, как любой русский, старающийся из всех сил верить своим правителям, посчитал, что счастлив должен быть не ты один, но и всё человечество, а за это надо бороться и чем-то жертвовать; что и внушало нам наше государство и правительство.

Однако побывав в 1969 году в ФРГ, где я воочию увидел, как живут побежденные нами, я несколько откорректировал свои мысли. Но тоска по старой России и Сибири моих предков не проходит до сих пор.

VI. НАДО ТОРИТЬ СВОЮ ЛЫЖНИЮ

После окончания школы у меня, как и у многих наших выпускников, не было особых раздумий, куда и в какой институт поступать. Большинство более-менее прилично окончивших 10 классов поступали в томские институты: парни, в основном, в ТПИ, девчонки — в медицинский. Вызывал лишь некоторые сомнения выбор факультета. Из пяти парней, окончивших наш десятый, трое (я, Володя Яковлев и Толя Синебрюхов) направили документы в ТПИ: мы с Яковлевым — на ЭМФ, Синебрюхов — на энергетический. Несколько девчонок подали документы в медицинский, Юра Михайлов уехал в Свердловск, а Борис Новоселов — в военное летное училище реактивной авиации. Мы с ним встречались в 1971 году в Киеве, он служил в Борисполе, уже был майором, управлял полетами, а я только лишь

защитил кандидатскую диссертацию. Я к нему ездил в часть, посидели вечер, поговорили. Больше не встречались.

Мужская часть 10-го класса школы № 3 (слева стоит автор). 1952 год

Кстати, Федя, сын тети Дуни, тоже учился в Томске в институте железнодорожного транспорта ТЭМИИТе: до войны в 1938—41 гг. — затем война — и снова в 1946—48 гг. После войны учиться Феде помогал дядя Сережа, который в это время работал главным бухгалтером на золотых приисках в Хакасии, жили они вдвоем с тетей Аней, у них не было детей. К нам же в Минусинск Федя заезжал проездом из Томска в Ермаковск на каникулы. Так что у меня Томск по наследству.

Помню сборы, большой старый фанерный чемодан, на который мать сшила чехол с целью немного его облагородить. Перед самым отъездом отец вынул из чемодана и не позволил брать с собой шахматы: надо больше заниматься учебой, а не игрушками. Ехали в Томск большой компанией: до Абакана на

пароходе, затем поездом через Ачинск до Тайги и на пригородном до Томска. Затем этот путь я повторял подряд пять лет два раза в год: на летние и зимние каникулы.

Будущие электромеханики озабочены ремонтом генератора колхозной ГЭС. Автор – второй слева. Лето 1954 г.

Каждый год я бывал в Минусинске на летних каникулах, но после III курса полтора месяца почти вся наша 732 группа по «комсомольским путевкам покорителей целины» ездила в деревню Тика (вниз по Оби), где мы отремонтировали плотину и генератор сельской ГЭС, провели электричество на все основные колхозные объекты. Рыли траншеи, ставили столбы, тянули провода. Верхолазом с когтями и поясом, т. е. узким, но высокопрофессиональным специалистом, был Терентий Титов (наш разрядник-стрелок в обычной жизни). Работали только за питание, но надо отметить, что кормили отлично. После студенческих харчей это был курорт. Руководителем у нас был самый старший по возрасту в нашей группе фронтовик Аркадий Синг. Вся наша группа не претендовала на оплату, но он долго

вел переговоры с руководством колхоза и наконец добился своего, и к Новому году он нам всем выдал по 250 руб. Мы были очень довольны, т. к. это составляло больше половины нашей стипендии. Как сейчас помню, я с заработка купил себе куртку-вельветку, которая была очень удобна, на «молнии», так что исчезла проблема с качеством рубашек, а часто и с их наличием.

После IV курса мы с Лешей Карковским ездили зарабатывать деньги в Назарово, от Минусинска вниз по Енисею, где сейчас Красноярское море, а в то время там жил Виктор с семьей и работал механиком в совхозе. Нас он устроил помощниками комбайнеров на самоходные комбайны СМ-4, но в разных колхозах. Здесь пришлось хлебнуть лиха, это была серьезная работа с раннего утра (шприцовка комбайна) до захода солнца. Наши заработки были оформлены в виде справок на определенное количество зерна, которое можно было получить в любом приличном населенном пункте. Леша каким-то образом перевел зерно в деньги, я же свою справку оставил отцу, а он её затем реализовал через Заготзерно в Минусинске. Мы же срочно уехали в Томск, т. к. уже кончался сентябрь и мы пропускали учебу, хотя и по уважительным причинам. Но надо сказать, что в сентябре учеба в Томске всегда была связана с постоянными и довольно длительными отвлечениями на сельскохозяйственные работы, так что мы не очень много потеряли в занятиях.

ВИИ. ТОМСКИЕ ГОДЫ

Итак, началась почти самостоятельная жизнь. О поступлении особо не волновался. Приемные экзамены сдал неплохо: все пятерки и лишь по немецкому — четыре. Здесь, конечно, повезло, но немецкий сдавали последним, и, видимо, экзаменаторы решили не портить общий пейзаж в экзаменационном листе. Как я уже говорил, мы с Володией Яковлевым поступали на электромеханический факультет (ЭМФ), а Толя Синебрюхов — на энергетический, а жили при поступлении вместе на Советской, 106 по 6—7 человек в комнате.

Но ещё до начала занятий мне было предложено перейти на считавшийся в то время самый элитный физико-технический факультет (ФТФ). Все мы немного о нем слышали (физики, ядерщики), но ясного представления о будущей работе, конечно, не имели, как и о других профессиях. Знали лишь, что физико-техники живут по три-четыре человека в комнате в одном из самых лучших общежитий ТПИ на Кирова, 4, а стипендия у них больше, чем даже у горняков. Однако у горняков была форма, и она вносила очень существенный элемент избранности, олицетворяя чисто мужскую профессию и объединяя их в какое-то особое горняцкое братство. Уже гораздо позже все горняцкие специальности были переведены в Кемеровский горный институт.

Я дал согласие и до 1 сентября уже был поселен на Кирова, 4. Здесь мы и познакомились с Лешей Карковским, хотя I курс жили ещё в соседних комнатах, но учились в одной группе и входили в одну коммуны. На ФТФ не все жили коммуной, но мы с Лешей все пять томских лет стойко держались за этот принцип финансово-хозяйственного уклада нашего бытия (модус вивэнди).

Мне отец на I курсе высылал каждый месяц по 200 рублей, а со II курса, учитывая, что я за это время должен был привыкнуть к самостоятельной жизни и научиться управлять финансами, — только 100 рублей, но зато четко — день в день. Я мог смело в этот определенный день месяца ехать на Главпочтамт, зная, что перевод уже ждет меня. У других получение переводов выливалось в многократные поездки на почту со всеми вытекающими отсюда неудобствами и финансовыми срывами. А надо учесть, что проезд был платный и платили в зависимости от расстояния. Поэтому, учитывая повышенную стипендию на ФТФ и довольно приличные поступления из дома, I курс прошел под знаком относительного финансового благополучия. На I курсе мы всем в комнате поочередно купили часы «Победа», сбрасываясь по 100 рублей в месяц.

На всех курсах в коммуны мы со стипендии собирали по 200 рублей, закупали продукты и дежурили по очереди. Был раз-

работан устав коммуны. Журнал коммуны со всеми расходами всегда вел Леша Карковский. Но всё-таки, как правило, на 2—3 дня денег не хватало, несмотря ни на какие секвестры, а к этому времени их уже ни у кого не было, поэтому начинался вынужденный пост, подбирали все крохи и ждали стипендию, которую, кстати, давали при условии сдачи в сессию всех экзаменов только на 4 и 5.

На всех последующих, кроме первого, курсах, примерно раз в полтора—два месяца ходили на заработки. Разгружали лес, шлакоблоки, ячмень на пивзаводе. Однажды выгружали с баржи картошку в мешках, бегая по качающимся деревянным трапам. Но мы с Лешей больше специализировались на разгрузке угля из вагонов. Одно время у нас был знакомый дедушка — сторож на сортировочной станции. Мы приходили к нему вечером, пили чай в его сторожке, он много нам рассказывал из своей довольно богатой событиями жизни (будучи моряком, на наш вопрос о самых красивых женщинах ответил четко: полячки), иногда даже ложились спать, а он будил нас, когда прибывал состав с углем. Вся премудрость заключалась в том, чтобы успеть захватить вагон (желающих заработать было много) и открыть необходимое количество люков, а всего их было семь в пугмановском вагоне. Затем следовало уголь подборками перебросать на определенное расстояние. Все семь люков открывали, когда нас было не двое, а больше (трое или четверо). За ночь и утро, т. е. часов за восемь непрерывной работы, зарабатывали от 100 до 150 руб. на человека. Это было хорошее подспорье к нашему бюджету.

Несмотря на все перечисленные статьи доходов, приходилось жить очень экономно, а соблазнов было много. Регулярно ходили в кинотеатр им. Горького. Каждый политехник хотя бы изредка обязан был посещать главный томский ресторан «Север». Но чаще со стипендии или чьего-либо перевода ходили в знаменитую столовую № 2, где готовили громадные, с ладонь, и очень вкусные отбивные. Здесь можно было очень хорошо поесть всего на 10 рублей, а это разнообразило наше

повседневное и не особенно богатое по ассортименту коммунальное питание.

Зимой весьма популярным был каток на стадионе «Динамо», напротив ТЭМИИТа. Сейчас его нет. Каток заливали и на студенческом стадионе, во дворе нашей Пирогова, 8. Цены на каток «Динамо» были очень небольшие. На студенческие вечера с танцами во всех институтах (ТПИ, ТГУ, медицинском) пускали бесплатно, главной проблемой было попасть на вечер. Вот каких у меня не было расходов, так это на курево. Мой отец своим личным примером отучил меня навсегда от этой привычки, а он курил очень серьезно. У нас дома всё было в табаке и пепле, а его ночные рубахи — вечно прожженные, т. к. курил и ночью. Он сам всегда выращивал различные сорта табака, смешивая для вкуса их между собой. Табаководство у него осталось с Ермаковска, когда они табак выращивали на продажу. Поэтому, я тоже очень хорошо был знаком с технологией его выращивания и обработки от пасынкования и заготовки листьев в папуши (пучки) и их вяленья в тени до рубки подсушенных дудок в деревянном корыте, просеивания на различных ситах с дальнейшим смешиванием в определенных пропорциях с мелкопорезанными листьями. Чем больше в табаке листьев, тем он крепче.

Имея доступ к табаку и даже снабжая им в детстве многих местных пацанов, я сам курение отверг раз и навсегда, а табачного дыма мне с детства хватило на всю жизнь.

Отучились год на ФТФ и после весенней сессии нам троим — Карковскому, мне и Василию Савину было предложено перейти на любой другой факультет. Макеревич, начальник I отдела, что-то мямлил про успеваемость, хотя весеннюю сессию я сдал из шести предметов пять на отлично и лишь один на хорошо, а Леша Карковский обе сессии сдал только на отлично и был единственный отличник в группе.

Мы были дети своего времени, кое в чем уже разбирались и многое «понимали», а поэтому, долго не рассуждая, взяли зачетки и пошли туда, куда все трое и поступали — на ЭМФ, к его тогдашнему декану Зайцеву Алексею Ивановичу. Пришли, как

блудные сыны, поджав хвост, попросились обратно, он взял наши зачетки, прослезился, мы повинились и пошли перебираться с Кирова, 4 снова на уже знакомую нам Советскую, 106, и лишь через полгода попали в наше родное общежитие электромехаников, в то время — Пирогова, 8, которого сейчас уже нет.

Чем привлекал и до сих пор привлекает Томск как учебный центр Сибири? Изумительным, отборным преподавательским составом! Томская профессура — интеллигентная, профессиональная, культурная, а главное, уважающая студента. Все главные курсы, от начертательной геометрии, термеха, ТОЭ и кончая электроприводом и спецкурсами по электрическим машинам, читались Учителями с большой буквы. Через них мы учились осваивать навыки логического мышления, научного анализа и стремления самому добраться до основополагающих законов и истин.

*Наша группа 732 у главного корпуса ТПИ.
Автор — четвертый слева, Леша Карковский — пятый,
а Виктор Ивашин — как всегда — выше всех*

Для нас, основной массы студентов, учёба была главной целью. Я не пропустил ни одной лекции по основным дисциплинам, писал лекции на слух, а поэтому не отвлекался ни на секунду. Мы в то время были технарями до мозга костей и готовили себя именно к этой работе.

Лучшим по успеваемости у нас в группе был Юра Бухгольц, потом шел Игорь Леонов, яркий представитель физиков и лириков, и затем Леша Карковский. За ними — мы с Виктором Ивашиним. Именно в таком порядке мы распределялись в 1957 году. Я как раз и возглавил ту группу из семи человек, которая приехала осенью 1957 года в Кемерово на завод «Кузбассэлектромотор».

Надо сказать, что отношения в группе между всеми поддерживались исключительно товарищеские. Я не припомню случая каких-либо серьезных распрей на протяжении всей учебы с теми, с кем пришлось жить, а жили и по 6, и по 8 человек в одной комнате. И мы, общежитские, искренне жалели «домашних». Но таких было мало. У нас, например, в группе — двое. Поэтому-то до сих пор с бывшими одногруппниками и даже сокурсниками встречаемся как с родными людьми.

VIII. О СВОЕМ ПОКОЛЕНИИ

К характерному явлению того времени, определяющему весь уклад студенческой, да и не только студенческой, жизни, следует отнести коллективизм нашего поколения. Он был у всех у нас в крови. Сейчас говорят, что это черта является чуть ли не одной из самых плохих особенностей русского народа, ибо гораздо целесообразнее и эффективнее индивидуализм, который якобы больше способствует прогрессу общества. Человек же не должен ни на кого надеяться, а лишь на собственные силы и способности. Не знаю! Это вопрос неоднозначный и решать его, видимо, придется ещё долго и всем поколениям самостоятельно.

А наше поколение свято верило, что к лучшей жизни, в том числе и твоей лично, общество может и, несомненно, придет

лишь через усилия всех без исключения работающих граждан. Я верил, что, построив ещё ряд заводов и гидростанций, распахав целину и заложив ещё несколько шахт и рудников, создав более производительную технику во всех отраслях, всё общество равномерно будет богаче, улучшатся у всех жилищные условия, появится больше товаров, снизятся цены на них. Все стремились производить и создавать.

Я даже помню, подсчитывал, сколько можно заработать по всей стране на субботнике, и что это даст всем, если каждый честно отработает и что-то произведет и создаст полезное для всех.

Конечно, я видел, что далеко не все относятся к работе одинаково, да и не все способны работать одинаково. Зарботки же творческих и увлеченных работой людей очень мало отличались от зарботков менее способных и более нерадивых. Но думалось, что это исправимо, что это дело времени и что все в перспективе будут сознательны и полностью отдавать все свои способности общему делу. Казалось, наоборот, что творческий человек чем-то обязан обществу за то, что ему работа не в тягость, а составляет потребность и удовольствие. Вызывало чувство личной вины то, что большая категория людей обязана выполнять черную, вспомогательную работу, тогда как ты занимаешься творческим трудом, что-то создаешь, ищешь и находишь, что приносит тебе личное удовлетворение. Что-то в нас было от идеалистов XVIII века, считавших, что либо все люди должны быть счастливы, либо никто. То, что должно быть, для нас значило больше, чем настоящее.

Поэтому и не вызывали особых возражений, а наоборот, понимание, и низкая по сравнению с рабочим классом оплата инженерного труда, и ежегодные длительные поездки специалистов из технических отделов и лабораторий на сельскохозяйственные работы в помощь «бедным» сельским труженикам для спасения выращенного урожая, и выходы в качестве дворников на многочисленные субботники. Но это уже впечатления из опыта последующих лет.

А в Томске студенты в то время мало интересовались политикой, всячески отбояривались от «общественной работы»

и комсомольских поручений, а партийно-идеологическое влияние через комсомол было незначительное. Собирались комсомольские взносы, формально проводились собрания, но всё это было поверхностно, больше для галочки: если это кому-то надо, то организовывайте, а мы поприсутствуем, кого надо — изберем. Так же мы относились и к лекциям по основам марксизма-ленинизма (ОМЛ) и по истмату, и диамату, а фактически пропускали их при первой возможности, т. е. принимали условия игры. Мы уже могли отсеивать главное — учебу, знания, специальность, дружбу, долг — от всякой идеологической, классовой и административной шелухи, которой, кстати, в Томске как раз было и не так много. Более предметно и непосредственно с мощной и глубокоэшелонированной, идеологически централизованной системой управления человеком пришлось столкнуться позже, уже в Кемерове, хотя и в Томске на вопрос: «Какая главная идея пьесы Островского «Гроза»?», мы бойко отвечали: «Неизбежность пролетарской революции!» То есть уже в то время были солидарны с тем фронтовиком, который перед боем заявил: «Если меня убьют, то прошу считать коммунистом. Ну, а нет, так нет».

Однако, невзирая на материальные и бытовые сложности, нас «жизнь пленяла давленью вопреки», и дух у нас был крепок, мы искренне верили в свое светлое будущее, в развитие своей державы, в справедливость политики своего государства на макроуровне, которое в то время весьма активно «боролось» за свободу угнетенных народов и права рабочего класса в загнивающих капиталистических странах. Мы искренне считали себя миролюбивой нацией; в борьбе за мир у нас участвовали даже рецидивисты, а пришедший чуть позже к власти Никита Сергеевич мечтал пожать руку последнему отпущенному на свободу уголовнику.

А жизнь между тем в стране после жесточайшей войны постепенно налаживалась, и это вселяло определенный оптимизм и надежду.

На I курсе похоронили Сталина, в 56-м «переваривали» откровения хрущевского закрытого письма по культу личности

Иосифа Виссарионовича, а у каждого из нас уже было кое-что из личного опыта и биографий своих родственников для иллюстрации этого нового для нас понятия — культа личности.

В Кемерове мы стали не только свидетелями, но и участниками начавшегося подъема в промышленности. Заработали Совнархозы, оживились все отрасли народного хозяйства: авиация, нефтяная и химическая, металлургия (Запсиб), атомная и гидроэнергетика, геология, развернулись большие стройки, началось покорение целины, загремел наш космос (1957-й — спутник, 1961-й — Гагарин). Открывались новые отраслевые институты в регионах. В том числе был организован и наш институт постановлением Правительства, которое вышло в 1959 году.

Вообще, наука, особенно физика управляемого термоядерного синтеза, плазмы и высоких энергий, была в почете. От науки ждали эпохальных открытий, новых источников энергии, новых чудесных знаний о космосе. Как раз в это время были организованы Академгородок в Новосибирске и Сибирское отделение Академии наук. Новые элементарные частицы (протоны и фотоны, нейтроны и позитроны) открывались чуть ли не каждый день. Запускались мощные ускорители («токамаки» и др.), эти своеобразные микроскопы, позволяющие заглянуть в тайны окружающей нас материи и в глубь вселенной. Один из первых ускорителей (так же, как и телевизор) был создан в Томске в ТПИ. Кстати, у Ивашина и Шабунина дипломы были посвящены расчету электромагнитов для этого ускорителя, а руководил их работой Г. А. Сипайлов.

Самыми популярными журналами были «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Юный техник», а на научно-популярные фильмы люди шли с не меньшим желанием, чем на широко известные художественные фильмы.

Развернулось громадное строительство во всех городах пятиэтажек, которые потом назовут «хрущобами», но в то время это было долгожданное жилье после переполненных общежитий, убогих бараков и всевозможных «нахаловок». Было прове-

дено сокращение армии, ходили упорные слухи о возможных реформах, связывая их с именем А. Н. Косыгина.

Валерий Воронцов, Борис Веретенников, Валерий Власов и Виктор Чурсин (слева направо) на финише в Томске после лыжного перехода Кемерово–Томск, посвященного 30-летию Победы. Февраль 1975 г.

В то время только сумасшедшие могли не верить в построение коммунизма, поэтому, как сейчас выясняется, многие и сидели за это неверие в психушках. Остальной же массе людей, не обладающей соответствующей информацией, оставалось

лишь верить в светлое будущее и трудиться. В нравственном отношении наш дух был крепок, и мы без громких слов были готовы к бытовым и материальным жертвам и личным ограничениям ради общегосударственных интересов.

Как раз в это время появилась песня Бернеса «Я люблю тебя, жизнь!». И действительно, эта песня, несмотря на всеобщую материальную неустроенность, отражала общий дух того времени: время открытых лиц и верных друзей, скромных рядов, отложных воротничков и застенчивых девушек, горячих и пылких сердец, время непутевых, но искренних строителей коммунизма. И мне кажется, русский народ ещё не раз вернется в том или ином виде к осуществлению этой своей мечты. Эта тема ещё далеко не исчерпана, выбор не завершен, а капитализм, видимо, тоже не для русского склада души. Предстоит ещё долгий и трудный путь осмысления, обдумывания и проверки жизнью.

К знаменательным событиям того времени следует отнести Московский фестиваль молодежи летом 1957 года. Мы в Минусинске на него провожали нашу одноклассницу Ларису Бабич, нашу единственную медалистку в классе и очень приличную девчонку, блестяще окончившую к тому времени Пермский университет и делегированную от него на фестиваль. Мы, большая компания собравшихся в последний раз, ещё как студенты, одноклассников, провожали её, договаривались встречаться, переписываться, но, увы... с большинством из них повстречаться уже больше не пришлось, в том числе и с Ларисой Бабич, которая, несомненно, была большая умница.

Да, действительно, прав тот, кто сказал, что «плодотворны лишь те эпохи, в которых господствует вера в какой бы то ни было форме», а особенно это относится к России.

Мне кажется, в то время у нас в стране были самые благоприятные условия для подъема экономики. И если бы у высшего руководства партии и страны хватило разума и воли, то народ, ей Богу, если бы не построил коммунизм к 1980 году, как предполагал и обещал «нынешнему поколению советских лю-

дей» импульсивный Никита Сергеевич, то, несомненно, поднял бы экономику до передовых стран. У народа были настрой и стремление к этому. Если бы спокойно без глупых и авантюрных решений и экспериментов над народом и экономикой страны ввести сначала хозрасчет и самофинансирование, ограничить военные расходы в разумных пределах, а затем постепенно начинать либерализацию цен и тарифов, отдавая управление в коллективы и регионы, и, главное, не глушить инициативу, то можно было бы реформировать нашу слишком централизованную и милитаризованную систему и не погасить имевшийся в то время у народа энтузиазм. А главное, нельзя было оставлять управление экономикой, и следовательно, собственностью и финансами в руках чиновников. Министерствам же надо было оставить лишь аналитические и консалтинговые (как сейчас сказали бы) функции.

Но у истории нет частицы «бы». Вместо этого были ликвидированы Совнархозы — органы регионального развития, а министерства, наоборот, стали крепнуть, заглушая и вытравляя постоянно все самостоятельные и инициативные начинания. Всё вводилось в узаконенное чиновничье русло через заказ-наряды, тематические планы, головные институты, технические управления, отраслевые институты типа «Стандартэлектро», «Информэлектро», государственную регистрацию, десятки согласований и визирований на многих этажах различных ведомств, главков, управлений, комитетов, департаментов и т. п.

Создавать практически можно было лишь спецтехнику, работая на оборонку через спецзаказы, военпредов, под надзором КГБ и I отдела, оформляя спецдопуски и предписания, обязательства о неразглашении, о невыезде и заполняя многочисленные анкеты: не был, не состоял, не привлекался, не участвовал, не имел...

Вот тогда и началось постепенное сползание экономики в безнадежный застой, а непродолжительная так называемая хрущевская оттепель бесславно закончилась, энтузиазм народа поыветрился, а высшая партийная элита, видимо, испугавшись

слишком быстрого неуправляемого движения, снова натянула вожжи. И как-то незаметно всё вернулось к старым «привычным» порядкам, но, однако, животного страха сталинских времен уже не стало. Хотя я опять немного забегаю вперед.

Глядя уже с некоторой исторической дистанции на наше перед войной рожденное поколение, сохранившее от отцов память о довольно свободной и зажиточной жизни крестьян в Сибири в 20-х годах, о раскулачивании и сталинско-ежовских репрессиях, пережившее лично лихолетье войны и партийно-государственный пресс, но в то же время впитавшее в себя яркие чувства великой Победы в Отечественной войне и всем сердцем откликнувшееся на хрущевскую оттепель, я могу уверенно сказать, что это поколение не потерянное, скорее затаенное, вынужденное пережить непогоду. Скажу даже, что в нас жизнью запрограммированы прочность и способность к выживанию, которые оказались и сейчас как раз вовремя (just in time), только жаль, что time уже на излёте.

А в то время мы интуитивно и с учетом отрывочных познаний диалектического материализма чувствовали неизбежность изменений в общественном устройстве. Но как это совершится, каким путем, мы себе ясно не представляли. Скорее надеялись на приход «хороших» правителей, чем на общественные и гражданские институты и самотворчество масс.

В своем же кругу возмущались бездарностью многих решений, показухой, заигрыванием с рабочим классом, формализмом и бюрократизмом на всех уровнях государственного и партийного управления. Сознательно отгораживаясь от официальной власти, мы были к ней как бы в оппозиции, а к отдельным личностям, олицетворяющим эту власть, и носителям партийно-хозяйственной идеологии, комсомольским и партийным функционерам, обязанным публично лицемерить на долгих и нудных собраниях, относились с чувством собственного превосходства, скорее сочувствуя им, чем осуждая за необходимость работать в сложных условиях всеохватного «демократического централизма» и беспрекословного исполнения и распространения в пер-

вичные организации многочисленных и бестолковых решений и постановлений всех вышестоящих инстанций.

А из своей среды на общественную работу (партийную, профсоюзную, комсомольскую) старались выдвигать тех, кого «не жалко» для себя. Хорошие профессионалы-технари и сами не стремились во власть, ибо были при деле, а вот посредственных специалистов, но имеющих при этом какую-то особую страсть к «общественной работе», коллективы даже с удовольствием делегировали в «высшие сферы». Случалось даже, что на собраниях некоторых очень стремящихся «вверх», но явно уступающих даже среднему уровню не только по деловым качествам, но и в умственном отношении, выдвигали в качестве забавной шутки, но шутка удавалась, и они проходили туда и там приживались, успешно врастая в тот климат и условия, а затем спустя годы, появлялись в своих родных коллективах, а чаще в президиумах крупных собраний и конференций уже в качестве вдохновителей, открывая народным массам «новые горизонты» и призывая их на новые трудовые подвиги и свершения. Но если домом не управил, так и властью не управить.

IX. КЕМЕРОВО

Итак, летом 1957 года мы (это я и Володя Яковлев) в последний раз были на каникулах в Минусинске (потом приезжали только в отпуск), а уже 20 августа, прибыв по распределению точно в установленные сроки, как дисциплинированные молодые советские специалисты, были приняты на работу на завод «Кузбассэлектромотор» помощниками мастера: я — в цех электродвигателей № 3, а Володя — в цех № 5, выпускающий взрывобезопасные пускатели.

Общежитие на Весенней ещё не было достроено, и мы до октябрьских праздников жили в заводууправлении, а к 7 Ноября переехали на улицу Весеннюю, 5, 4-й этаж, комната № 77, где я и прожил почти 3,5 года холостяком, а затем ещё один год, но уже на 1-м этаже в качестве семейного человека. Мы с Аллой рас-

писались 24 июня 1961 года, Сергей родился 20 марта 1962 года, а 26 марта я их прямо из роддома, что возле горсада, перевез в нашу первую двухкомнатную квартиру на улице 9-го Января, где два подъезда были отданы молодым специалистам, будущим сотрудникам уже организованного (1959 г.) на базе СКБ завода института, девичья фамилия которого была — Гипронисэлектрохим (затем НИИ завода «Кузбассэлектромотор», НИИ НПО и, наконец, НИИВЭМ), где фактически и прошла вся моя сознательная (поддающаяся разуму и осмыслению, логике и здравому смыслу) и бессознательная (на уровне чутья и интуиции, догадок и прозрения, импровизации и абсурда) жизнь. Какая из этих сторон более преобладает в жизни русского человека, сказать трудно. Русский человек, как растение, живет в большой зависимости от внешней среды (власти, коллектива, идеологии и привычек), больше приспосабливаясь к её условиям, чем планово меняя их, тратя все свои творческие силы в борьбе с последствиями своих же непродуманных решений, а не на рациональное накопление ресурсов и плановое обустройство всех сторон своей жизни.

Были ли у меня план жизни в начале самостоятельного пути? Конечно, нет! Его и не могло быть, так как жизненный опыт, быт и профессия родителей и абсолютного большинства окружающих до сих пор людей мало что могли подсказать в новой для всех нас промышленно-производственной сфере деятельности и чисто городском образе жизни.

Поэтому нужно было самому прокладывать путь (снова торить лыжню), на ходу набираясь профессиональных знаний и житейского опыта, набивая шишки и избавляясь от иллюзий, приобретая друзей и... Чуть было не сказал «и врагов». Но анализируя жизнь, могу сказать, что врагов — в прямом смысле этого слова — у меня не было. Да, были противники идей, проектов, решений, каких-то начинаний и реорганизаций. Были люди, не приемлющие мой стиль и методы работы, просто не согласные с отдельными поступками, манерами. Да, были споры и притом крутые. Но я не помню случая, чтобы мне не удавалось убедить

человека, если, конечно, этот человек шел на обсуждение возникающих разногласий. Ко мне возвращались даже те, кто, казалось бы, навсегда порвал со мной.

Я не отношу к врагам всевозможных чинуш и бюрократов, ибо чиновники в России, как природный катаклизм, как стихийное бедствие, на которых глупо обижаться, которых стыдно бояться и с которыми почти бесполезно бороться. Чиновника можно либо нейтрализовать, заранее отведя предполагаемый удар, или использовать его разрушительную энергию во благо. Но это уже искусство высшего пилотажа.

И вообще обижаться не следует, ибо, как сказал один мудрый русский человек: «Размышляющий человек должен быть единственным и беспощадным судьей себе».

Повседневная, бытовая наша жизнь (вне производства) крутилась возле Весенней улицы, которая в то время на общем фоне, особенно в солнечный день, выглядела нарядной и праздничной, т. к. была замощена битым ярко-красным кирпичом. Была даже песенка «Улица Весенняя, как ты хороша!».

Основными местами нашего пребывания и отдыха были: лодочная станция на правом берегу Томи, где мы занимались греблей на шестивесельных шлюпках, сосновый бор, где летом гоняли футбол, а зимой — на лыжах. Здесь же функционировал популярный в то время ресторан «Лето». Ходили, а вернее бегали, мы туда через только что построенный новый мост. Следует отметить также горсад, старый цирк на улице Кирова, кинотеатр «Москва», стадион «Химик», набережную Томи, на которой мы толпились в начале октября 1957 года и искали в небе первый наш спутник. Довольно часто бывали в единственном приличном ресторане «Сибирь» на Притомской. До сих пор вызывает удивление большая наценка, существующая в то время в ресторанах на водку: до 2–3 крат. Поэтому практиковался пронос водки с собой, но официантки с этим злом беспощадно и довольно профессионально боролись. Однако многие даже из нашей компании, используя территориальную близость, выпивали в общежитии стакан водки и шли в ресторан.

Там заказывали ещё немного, а в итоге были «хорошие». Официантки, хотя и чувствовали, что здесь не всё чисто, но не могли никак ухватить момент разлива «левой» водки, не облагаемой налогом.

Очень часто приходилось бывать на старом вокзале, ездили ведь только поездами. Был здесь и ресторан, но особой популярностью пользовалась довольно приличная круглосуточная столовая. И всё же основным нашим пунктом питания считалась столовая № 6 на Советском проспекте.

Мне приходилось бывать в общежитии у Леши Карковского по улице Кирова напротив Госбанка, хотя чаще он находился у нас на Весенней. Так что географический ареал нашей повседневной жизнедеятельности был не особо велик, но весьма ёмок.

Необходимо особо отметить громадную в то время популярность Кемеровской музкомедии. Её постановки и ведущие артисты пользовались большим успехом среди жителей города. Некоторые её артисты, правда не из числа ведущих, жили в нашем общежитии на первом этаже (помню Качемасовых, а к ним приходила экстравагантная Канасевич и другие артисты, и эта богема далеко за полночь шумно и эффектно отмечала свои творческие успехи). Запомнились чета Григорьевых, Шмагина, Бобров с Двойниковым. Режиссером была Гагава. Ходила побасенка о том, как в нашу музкомедию приехала на работу новая уже довольно известная примадонна, но при выходе из вагона была так поражена и напугана дымом, копотью и заревом от коксохимических батарей, находящихся буквально рядом с перроном вокзала, что сразу же побежала в кассу и купила обратный билет в Москву. Видимо, только по этой причине вскоре начали строить новый вокзал.

Стадион «Химик» был популярен и нами посещаем. Зимой по вечерам — катание на коньках, а по воскресеньям часто проводились гонки на мотоциклах по льду. И вот здесь я несколько раз видел нашего чемпиона мира по высшему пилотажу Владимира Мартемьянова, который над стадионом выделял фантастические пируэты. Впечатление чего-то невероятного.

Это ошеломляло и поражало своей невозможностью. Это был сон наяву. Пользовался популярностью хоккей с мячом, а наша команда «Кузбасс» считалась одной из сильнейших, занимавшей даже третье место в высшей лиге.

Летом популярен был волейбол на площадке стадиона, где сейчас построена восточная трибуна. Приезжали сборные из других городов, в том числе из Томска, а мы хорошо знали своих бывших земляков, волейбольных маэстро.

И, наконец, футбол. Футболом я и сам увлекался, а поэтому на футбол ходили, болели, хорошо знали игроков. А играли в только что организованной команде «Химик» весьма популярные в то время футболисты: Егоров, Горбачев, Исаков, Букасов. Выделялся техникой и скоростью Николай Коржов. За некоторую интеллигентность его звали «балерина» в противовес явным хулиганам типа Карсакова. В воротах стоял Симович, а в защите играл Лукин — рослый и красивый парень. Чуть позже в команде появились Оскома и Владимир Раздаев, начавший играть в Новосибирске, а после того, как в один из приездов на товарищеский матч забил в ворота своих земляков два гола, был приглашен в «Химик». И лишь затем появился Виталий Раздаев, гроза и обидчик столичного «Спартака», ставший на многие годы символом и гордостью Кузбасского футбола.

Но основное время мы проводили на заводе, при этом и субботы были не только рабочие, но даже ещё и не укороченные.

Итак, начал я свою трудовую деятельность в цехе № 3, где уже старшим мастером работал Борис Веретенников, на год раньше окончивший наш факультет, а начальником цеха был Всеяких Михаил Андреевич.

Однако уже к декабрю меня потянуло на инженерную работу, и мы с Виктором Шабуниним — два помастера — пошли предлагать себя в СКБ завода. Пришли мы в обеденный перерыв, а в то время во всех отделах и цехах в обед, а часто и после работы, бушевали шахматные баталии. Играли по часам на высадку. Болельщики стояли стеной возле играющих, громко комментируя и бурно обсуждая ход игры, а если кто-либо из играю-

ших терял контроль над партией, то за него тут же мгновенно и ходили, и нажимали часы, а затем выгоняли, хотя он сам так толком и не знал, за что: то ли проиграл, то ли флаг упал, то ли обед кончился. Конечно, и шахматисты были разного уровня.

Я, естественно, вязался в игру и сыграл, видимо, неплохо. Здесь присутствовал зав. группой расчетов Миша Поволоцкий. Он всегда активно болел, любил и понимал шахматы, но сам не играл. Он же и повел нас с Виктором на разговор с заведующим машинным отделом СКБ Л. В. Животовским. Беседовали с нами обоими, а назавтра мне сообщили, что меня берут в расчетную группу. Оказалось, что решающим аргументом, склонившим чашу весов в мою сторону, явились шахматы, и в конце декабря 1957 года я был зачислен в СКБ завода, но при этом оклад понижался с 850 рублей у поммастера до 830 рублей у инженера СКБ. И здесь, в расчетной группе, я проработал почти четыре года, но эти четыре года явились одной из главных составляющих моего профессионального фундамента, на которую я и сейчас прочно опираюсь.

Завод «Кузбассэлектромотор» — это эвакуированный один из цехов Харьковского завода ХЭМЗ, возобновивший свою работу в Кемерово в декабре 1941 года в Центральном универсаме и в корпусах трамвайного депо. Другой цех, изготавливавший машины постоянного тока, провезли в Прокопьевск: на его базе был создан завод «Электромашина».

Поэтому в 1957 году на нашем заводе работало ещё очень много специалистов и рабочих, прибывших из Харькова. Первоначально завод числился под номером 652, и ходила шутка, что это от того, что на нем 650 евреев и только двое русских. И действительно, почти все руководящие должности, особенно в технических отделах, занимали евреи. Из шести подписей, стоящих тогда под основными чертежами, нижняя, разработчика, могла иметь любые корневые и родовые основы и признаки вероисповедания, но пять верхних, проверяющих, контролирующих и утверждающих чертеж, как правило, были фамилии потомков вождя Моисея.

А я благодарен судьбе за то, что она свела меня в самом начале моего становления, как инженера, с таким человеком и профессионалом, с такой оригинальной личностью, как Животовский Леон Владимирович. Это был исключительной глубины специалист по электрическим машинам, расчетчик от Бога, заложивший основы расчета асинхронных машин на «Кузбассэлектромоторе».

* * *

И как в детстве война поделила нашу жизнь на две половины: «до» и «после» войны, так нашему поколению через 50 лет ещё раз довелось стать уже активными участниками в крутом развороте матушки России от «развитого» социализма к недавно ещё «загнивающему» капитализму.

Поэтому моя трудовая жизнь в условиях социализма с 1957 года и, грубо говоря, по 1989 год, т. е. более 30 лет, была вполне предсказуема и развивалась по сценарию, близкому и понятному большинству советских инженеров. Отмечу лишь некоторые события.

Официально в декабре 1959 года на базе СКБ завода «Кузбассэлектромотор» создали научно-исследовательский институт НИИВЭМ, куда я был переведен из СКБ в 1963 году, где с тех пор и работаю, а с 1984 г. уже в должности генерального директора.

Проработал в общей сложности 7 лет расчетчиком и инженером в лаборатории исследований, потом по инициативе М. Н. Филатова, нашего талантливого главного инженера СКБ, меня в 1964 году назначили руководителем лаборатории электропривода, весьма перспективного в то время направления. Всего нас было четверо в лаборатории, но мы развили очень бурную деятельность. Установили деловые отношения с головным Московским институтом ВНИИ Электропривод, Киевским институтом электродинамики, с различными предприятиями химической промышленности (в то время лозунги по химизации всей страны соперничали с лозунгами по электрофикации).

Опуская детали, скажу, что рост объема работ по электроприводу в Кемерове (а мы уже приступили к выпуску комплек-

тных электроприводов для химической, текстильной, угольной и др. отраслей промышленности, которые пользовались большим спросом) пришел в противоречие с интересами чиновников в нашем главке «Союзэлектромаш», т. к. электропривод не входил в его тематику и был инородным телом, а его чиновникам это создавало ненужный им дискомфорт, приходилось лишний раз напрягаться, вникать во что-то новое из смежных областей. А ради чего? Я, как мог, лавировал, летал в Главк (до 16 раз в год), отвечал на письма, скопившиеся там по нашей тематике. А предприятия просили расширить производство, требовали поставку новых типов, различных модификаций и т. п.

Мы с директором ВНИИ Электропривода Г. Б. Онищенко, как могли, убеждали, уговаривали, доказывали чиновникам и в главке, и в техническом управлении Минэлектротехпрома целесообразность развития электропривода в Кемерове. А главное, уже были результаты. Мы оснастили регулируемым электроприводом целый цех прядильных машин на Брянском комбывольном комбинате (125 приводов), в Риге. Наши приводы работали на буровых станках в геологоразведке, смесителях и дозаторах в химической промышленности, на закладке в угольных шахтах и многих других производствах.

Мы уже планировали выпуск автоматизированных регулируемых электроприводов для различных отраслей. Здесь у нас уже было много сторонников, но наши планы разошлись с «объективными» возражениями чиновников: «Вы нам усложняете работу! Мы не универмаг!».

Одним словом, меня однажды вызвали в главк и предложили кончать с электроприводной деятельностью. Разговор, правда, был уважительный, ибо я числился на хорошем счету, как активный, может даже чересчур, и грамотный инженер и уже довольно известный здесь. Меня убеждали, что перед институтом стоят громадные задачи по созданию новых серий взрывозащищенных электродвигателей для угольной промышленности, для оборонки и т. д. Что я должен быть патриотом института и завода и их специализации, а не залезать в чужие области.

Мы ещё по инерции, подпольно, как и положено в России, года два-три занимались приводом, но постепенно старые связи стали рваться, а сразу появились новые заботы: надо было создавать новую серию взрывозащищенных электродвигателей для морского флота, для подводных лодок, для шахтных самоходных вагонов и много чего другого.

Итогом работы в области электропривода стала моя книга в соавторстве со своими друзьями — коллегами «Взрывозащищенный тиристорный регулируемый электропривод переменного тока», вышедшая в 1977 году в издательстве «Энергия».

Кроме того, мне довелось в составе делегации министерства (4 человека: двое из ВНИИЭлектропривода — Г. Б. Онищенко и его зам, переводчик и я) побывать в 1969 году в ФРГ с целью ознакомления с состоянием автоматизированного электропривода в их химической промышленности. Мы посетили Кёльн, Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг с ездой на Ганноверскую ярмарку, посетили электротехнические фирмы «Сименс», «АЕГ» и ряд химических концернов.

Включение меня в то время в эту делегацию убедительно показывает высокий статус нашей лаборатории электропривода на союзном фоне в этой области.

Вспоминая эти недолгие электроприводческие годы, в памяти возникает чувство свободы, когда твоя судьба и благополучие твоего небольшого коллектива зависят только от тебя.

И как ни трудно работать сейчас (1999 г.), эти же давно забытые чувства независимости, внутреннего раскрепощения, полной отдачи творчеству, но, одновременно, и личной ответственности возвращаются, и ты начинаешь снова уважать себя и ценить действительно деловых и творческих людей. Зависимость русского человека от чиновника, видимо, у него в крови. Помните, как у Виктора Некрасова в его романе «В окопах Сталинграда»: солдаты чувствовали себя более свободными на передовой, в ста метрах от немцев, когда были полностью отрезаны от своего надзорного начальства.

В области создания специальных электродвигателей для систем электропривода у меня сложились очень тесные отношения с Киевским институтом электродинамики, где мне часто приходилось бывать и где мне было предложено поступить в заочную аспирантуру, что я и сделал, сдав осенью 1967 года вступительные экзамены. Научным руководителем у меня был Адаменко Александр Иванович.

Написание диссертации особого труда не составляло, так как все основные вопросы уже каким-то образом были изложены в статьях и зафиксированы в авторских свидетельствах.

Защищался я 14 апреля 1971 года, и у меня, как сказал мой друг Борис Веретенников, у единственного из всех кемеровчан было абсолютное алиби относительно поджога старого цирка, который в этот день горел при откровенном ликовании всех горожан, отдававших дань его ветхости и абсолютной невозможности реконструкции и даже разборки.

Первым оппонентом у меня был знаменитый Постников Иван Михайлович, автор учебников, по которым мы в Томске, да и потом в Кемерове, постигали теорию электрических машин. Это был один из корифеев нашей специальности, а поэтому я на него глядел, как на божество, которое даже не мечтал увидеть в жизни.

Уже 7 июля ВАК утвердил меня в звании, и с этого момента наш семейный бюджет вырос на целых 100 рублей, а это было весьма существенно. Ребятишки подросли, и мы всей семьей летом в отпуск стали ездить не только в Минусинск и Танзыбей, но уже в дальние южные края.

Занятия наукой и техникой позволили мне очень много ездить по Союзу. Я был во всех без исключения столицах республик, а во многих по несколько раз. Этому способствовало и увлечение туризмом. И где бы я ни был, у меня обо всех народах, больших и малых, населяющих нашу громадную страну, осталось прекрасное впечатление: Тува, Горный Алтай, Хакасия, Горная Шория, Бурятия, Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, Украина, Молдавия.

В любом народе, если захотеть, можно найти очень много прекрасных черт, которые отличают и высвечивают его среди других народов так же, как каждая с виду неказистая травинка придает привлекательность и красоту цветущему лугу, покрытому разнотравьем.

Однажды в Кишиневе в гостинице мы всю ночь напролет проговорили с одним молдаванином, а в Баку, нас двоих командировочных, уже отчаявшихся устроиться в гостиницу, увел к себе местный азербайджанец, накормил, уложил в постель, а сам ушёл спать к соседям. Я уж не говорю о тех задушевных отношениях, которые сложились у меня с моим руководителем Адаменко Александром Ивановичем и другими очень приятными людьми и прекрасными специалистами из Института электродинамики в Киеве. С удовольствием вспоминаю о Киричке Григории Михайловиче, Войтехе Александре Арсеньевиче. А с каким гостеприимством встречал нас с Лукичом, моим замом, двух молодых инженеров, заслуженный деятель науки и техники Узбекистана, доктор технических наук Хамудханов Музафар Захидханович, к которому мы приезжали в Ташкент на консультации по частотному электроприводу.

В Узбекистане я бывал много раз, как в групповых туристических поездках, так и на отдыхе всей семьей. Мне очень нравилось посещать многочисленные, а для нас экзотические, чайханы, а моя любовь к чаю и шахматам (в каждой чайхане были шахматы; в те времена шахматы были в каждом самолете и вагоне) давала мне некоторые преимущества и возможность общаться со многими интересными людьми. У меня в Исфаре был хороший знакомый — чайханщик Саид. А в Самарканде, бродя однажды по городу, разговорился с ребяташками. Они вмиг притащили мне несколько ведер различных сортов яблок и других фруктов, рассказали всё про себя и своих многочисленных и здесь же присутствующих братьев и сестер, и расстались мы большими друзьями. У меня есть несколько прекрасных фотографий узбекских ребяташек: какие прекрасные лица, изумительные улыбки, грациозные позы.

С годами я, наоборот, стал требовательнее относиться к своей нации и к себе. Видимо, человек начинает «думать», когда к нему приходит сознание, что он часть своей нации с присущими ей какими-то базовыми чертами, predetermined собственнй предысторией, культурой, а возможно, и природными условиями. В войну и после войны я с ужасом представлял возможность родиться другой национальности, но со временем стал понимать, что и у нас не всё так прекрасно, как казалось ранее. Видимо, иногда надо задумываться, как нас, русских, как нацию, воспринимают и судят другие народы.

Помню групповые поездки в Болгарию, когда наши туристы наивно, но с чувством полной уверенности в положительном ответе спрашивали: «Вы нас, русских, любите?» Кого же ещё любить, как не нас — освободителей Европы, оплот мира и надежд всех народов, которых мы где серпом и молотом, а где танками «убеждали» идти исключительно нашим «единственно верным» путем к неизбежному светлому будущему всего человечества». Это особенно несуразно выглядело сразу после событий в Чехословакии в 1968 году. Сколько веков надо помыкать народом, чтобы он, страдая и мучаясь, допытывался, уважают ли его! Не всем нравятся наши открытость, простота, хамовитость, грубость, необязательность. Нас очень удивляет, что многие не в восторге от наших военных фильмов. Не всем нравится наш «шедевр» «С легким паром». В их понятии здесь нет ничего смешного, больше печального и противозаконного: какие-то забулдыги напились в бане, под другим именем в дым пьяного человека отправили в другой город, где он проник в чужую квартиру, ведет себя по-хамски, хулиганит. Ну, знаете! Тут законопослушным людям, отцам семейств, ответственным за воспитание своих детей, не до смеха.

Но, мы другие, мы скобские! И нас обязательно надо любить! А то мы можем обидеться и тут же нахамить.

Приходилось бывать и в Прибалтике. В Вильнюсе проводили сертификационные испытания коллекторных электродвигателей для разрабатываемых в институте (перед самым обвалом 1992 года) миксеров. До сих пор у меня в кабинете хранится

один из сорока — сделанной нами опытной партии — миксеров, так и не востребованных отечественной промышленностью.

В Эстонию же всегда, когда мог, стремился заехать, бывая в Вильнюсе, Риге или Ленинграде, так как мой брат Виктор с семьей (с двумя сыновьями и женой Аарой) уехали из Сибири в Эстонию. А поженились они в 1953 году в Минусинске в то время, как отец Аарэ Генрих Генрихович отбывал свою «законную националистическую» десятку на шахтах Караганды, а Аарэ с её матерью Идой Георгиевной были сосланы в Минусинск, где Виктор с Аарэ и познакомились, учась в техникуме механизации сельского хозяйства и увлекаясь волейболом. И это было ещё до смерти «вождя», но Виктор не раздумывал, хотя и рисковал, беря в жены ссыльную. У самого Виктора были проблемы с его гражданством уже в современной демократической Эстонии. Он всё-таки его получил, но с некоторыми трениями и волнениями, льготы же надо было давать не только Ааре за её годы в Сибири, но и Виктору, взявшему в жены ссыльную и дочь каторжанина.

Отец с матерью и семья Виктора: его жена Аарэ и сыновья Юрий и Вадим. 1967 год

Скорее всего, моя творческая карьера миром бы и закончилась, и меня в 1994 году, или чуть позже, с полагающимися по штатному расписанию почестями после десяти лет директорства в научно-исследовательском институте отправили бы на заслуженный отдых (как правило, в нашем главке, да и во всем министерстве мало кто из институтских директоров перерабатывал далеко за шестьдесят: находились поводы, безотложные реорганизации, да и подпор кадров был велик), если бы наша непредсказуемая Родина не вздумала вдруг шарахнуться в сторону рынка. Как-то вдруг ей разонравился вечноплановый дефицит в нашем развитом социализме, а нашей элите надоело перевыполнять эти бесконечные пятилетки и захотелось, наконец, пожить «как люди».

А если уж захотелось, то у нас нет вопросов.

Х. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ГЛАСНОСТЬ И ВСЁ, ЧТО ЗА НЕЙ ПОСЛЕДОВАЛО

Примерно в 1985—86 годах М. С. Горбачев провозгласил лозунг: «Гласность — Ускорение — Перестройка». Если два последних понятия народ не понимает до сих пор: что перестраивать и куда ускоряться, то «гласность» не была отвлеченным понятием. Буквально за год — полтора сначала газеты, а затем и «толстые» журналы обрушили такую массу неизвестной большинству народа информации, что он просто растерялся. Пришлось читать не только вновь выходящее (а этого тоже было много, хотя оно очень быстро приелось), но и нагонять всё то, что не довелось прочесть за целые десятилетия. Читали запоем, брали друг у друга на ночь. Это было какое-то безмерное потребление. Помню, как сразу после войны, то ли в какой-то праздник, то ли ещё по какому случаю, мы дома в Минусинске настряпали и наморозили первый раз вдоволь пельменей и ели их без ограничения, каждый сколько хотел. Я ночью страшно мучался, но Бог миловал, и как-то пронесло беду. Вот и сейчас мы насыщали

себя, как могли, а новая информация, факты и цифры, как первые капли долгожданного дождя, падали и мгновенно исчезали, впитываясь в жаждущую влаги почву.

Приведу на память авторов и произведения, примерно в хронологическом порядке их чтения: Даниил Гранин, Чингиз Айтматов, Бек «Новое назначение», Дудинцев «Белые одежды», Рыбаков «Дети Арбата», А. Приставкин, В. Гроссман «Жизнь и судьба», Можаяев «Мужики и бабы», Б. Пастернак, Шатров «Брестский мир», Н. Шмелев, А. Нуйкин, А. Жигулин «Черные камни», Е. Замятин «Мы», А. Платонов «Котлован», Короленко «Письма к Луначарскому», Горький «Несвоевременные мысли», Бунин «Окаянные дни».

Всё это было прочитано наспех, глотали, как с голодухи, давясь и обжигаясь. И лишь насытившись, я начал читать Вл. Соловьева, Бердяева, Льва Шестова, В. Розанова, Г. Федотова, дневники и мемуары Короленко, Пришвина, Волошина, В. Ключевского, Д. Милютина.

Начиная с Н. Берберовой увлекся нашей первой эмиграцией: Зинаида Гиппиус, Борис Зайцев, Тэффи, Федор Степун, Георгий Адамович, Владислав Ходасевич, Михаил Осоргин, Дм. Мережковский, Дон Аминадо, Н. А. Епанчин, П. Струве, С. Франк.

Она (эмиграция) имела возможность взглянуть на нас, русских, со стороны — глазами тех, кто их приютил, а оставшись без корней и почвы Родины и пристально вглядываясь в себя, вчерашних, анализируя прошлые заблуждения, ложные надежды, ошибки и просчеты, много сделала для осмысления этого *первого глобального русского кризиса*, когда становилась выше своих обид и притязаний, поруганных идеалов и классовых предрассудков.

Читая книги, уже бесцензурные, как и столетие назад, наша предреволюционная русская интеллигенция, мы в мыслях забегали далеко вперед и мечтали: «Вот теперь-то уж! Всё будет, как надо!»

Но жизнь шла своим путем, по своим законам: создавались новые партии, кооперативы, биржи, банки, финансовые пирамиды, рушилась старая система управления страной и эконо-

микой. Республики превращались в новые государства, перекраивались границы, возникали распри и даже с кровью между вчерашними «братьями навек» вокруг морей и островов, нефтепроводов и портов, таможен и военных полигонов. Многие люди оказались беженцами, оторванными от родных и близких.

С женой Аллой, внуками и внучкой. 26 марта 2000 года

Эйфория свободы и независимости утихла, но росли цены, инфляция раскручивала свою спираль. Первой упала наука, промышленность пока ещё проедала саму себя, подчищая запасы. Генеральные директора, впав в эйфорию полной безответственности и разъезжая по всему миру, совершенно забыли о себестоимости и формировании рынка своей продукции, сокращении затрат и расходов. Производство из-за снижения спроса и хаотического повышения цен резко сократилось при росте долгов естественным монополистам, потерявшим всякие ценовые пределы. Стала быстро расти задолженность в бюджет, поставщикам и своим рабочим. Сложилась экономика, где применяются цены,

за которые никто не платит деньгами; где формируются очень крупные долги; где начисляется зарплата, которая не выплачивается годами. Простые люди теряли голову, и многим захотелось обратно, назад: они не знали, что делать и кто виноват?

И вот так незаметно мы оказались в самом пекле второго за столетие *глобального русского кризиса, кризиса «наоборот»*, и вдруг обнаружили, что живем уже в другой стране, с другим флагом, другими законами и порядками, нравами и отношениями между людьми, построенными уже на основе обогащения и обмана, где созданная всем народом собственность оказалась в руках отдельных финансовых группировок, где шахтеры, которые в 1989 году свергли правительство из-за отсутствия мыла на одной из шахт Кузбасса, сейчас безропотно голодают на закрывающихся шахтах.

Начав с борьбы за «социализм с человеческим лицом», быстро перешли к отмене пункта в Конституции о руководящей роли партии, а закончили, как и всегда бывало в истории России, полным развалом управления всей громадной страной. А разрушив управление, разрушили и саму страну — Союз ССР, и снова до основания и, главное, очень быстро, но, слава Богу, без большой крови.

Надо признать, что Запад вложил много средств в этот процесс, это была одна из самых блестящих его операций, всё было брошено для создания имиджа «Новой России», открытой для Запада, с либеральной экономикой, многопартийной, демократической и демилитаризованной. Гельмут Коль стал самым лучшим другом россиян, а Михаил Сергеевич — лучшим немцем конца XX века, а точнее в момент, когда рухнула Берлинская стена. Спору нет, стену надо было рушить, возможно и раньше, а лучше бы её вообще не строить (ещё мой отец об этом говорил), но нельзя же было допускать, чтобы под её обломками была захоронена (через 45 лет после Великой Победы) наспех демократизированная и реструктуризированная, а вернее вконец раздрызганная Россия. Запад сделал всё от него возможное, чтобы обезопасить себя от нас, ибо надо честно признать, что уж очень мы были страшные для всего Западного мира, вооруженные до зубов и дико воинственные от обиды и своей глупости.

Но надо же, в первую очередь, думать и о себе, продумать хотя бы план, куда и как идти, если уж по-старому жить невозможно, что для этого надо, сколько средств и времени, что подправить, а что изменить. А нам надо сразу всё и мгновенно! «500 дней? Никогда!» «Мы же богатые ресурсами, мы способная, умная и трудолюбивая нация!» «Хотим сегодня же жить, как на Западе!» Но так не бывает.

Да и на поверку оказывается, что свое богатство сбываем за гроши, т. к. ума не хватает даже на его первоначальную обработку, а **умными** становимся в «шарашках» за пайку, а самым ум **приложить на свободе** лень не позволяет, да и трудолюбие появляется, **когда** рядом кто-либо с палкой стоит. А вот кабель можем **вырубить** под напряжением и сдать за бутылку.

Но это у меня уже, видимо, старческое ворчание, скорее больше от ощущения собственной вины за тот бедлам, в который мы **сейчас** попали. Успокаивает лишь одно, что мы, русские, **слишком молодая** нация, поэтому учимся, главным образом, лишь **на собственных** ошибках. Вопрос только в том, сколько эта учёба будет продолжаться?

Поэтому писать о настоящем времени, видимо, и рановато, и очень сложно ввиду полной неопределенности и непредсказуемости событий. Снова все силы и способности, знания и опыт, смекалка и изворотливость уходят лишь на выживание, но сейчас уже не на личное или семейное, как было в войну, а на выживание небольшого коллектива людей, руководить которым мне доверила судьба в этот период нашей истории.

Очень сильно провалившись в 1992 году, т. е. в год начала наших либеральных реформ, едва почти не исчезнув вообще как научная единица (а таких примеров только в нашем городе хоть отбавляй), наш институт в последующие годы стал постепенно выкарабкиваться и сейчас (пишу в начале 1999 года), можно сказать, встал на ноги.

Конечно, о каком-либо процветании и полной уверенности в завтрашнем дне нет даже и речи. Но на общем, окружающем нас фоне наше состояние (вовремя выплачивается, хотя сравнительно и небольшая, зарплата, отсутствие долгов во все

уровни бюджета, по налогам и вообще кому-либо) выглядит несколько необычно даже для более солидных организаций-монополистов.

Если выживем, тогда и расскажу более подробно об этом, по всей видимости, главном периоде в моей жизни, когда на тебя легла ответственность за коллектив людей, которые тебе доверяют и на тебя надеются. Получаемая зарплата для многих из них является единственным средством существования их семей.

Всевышний за праведное житие сородичей дал мне в жизни Протоку, позволившую миновать опасные омуты и гибельные пороги

А, возможно, для моих внуков этот период жизни будет не только понятен, но и осмыслен реальнее, чем людьми нашего поколения, ибо они вырастают в нем, пропитанные его духом (как мы войной). Им, возможно, чужды будут наши комплексы, наша всеоглядная уравнительная психология, наша слишком гипертрофированная зависимость от власти, верхов, неверие в собственные силы и возможности, наше стремление решать глобальные и «вечные» вопросы, вмиг забывая о текущих и насущных.

1994–1999 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
I. О СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ (в качестве предисловия)	4
II. ДО ВОЙНЫ	9
III. НАША СЕМЬЯ	31
IV. ПОСЛЕ ВОЙНЫ	36
V. ЕРМАКОВСК	54
VI. НАДО ТОРИТЬ СВОЮ ЛЫЖНЮ	64
VII. ТОМСКИЕ ГОДЫ	66
VIII. О СВОЕМ ПОКОЛЕНИИ	70
IX. КЕМЕРОВО	78
X. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ГЛАСНОСТЬ И ВСЁ, ЧТО ЗА НЕЙ ПОСЛЕДОВАЛО	90

Литературно-художественное издание

Валерий Григорьевич Власов

ЗАПИСКИ ВНУКАМ

(Приложение № 7 к журналу «Огни Кузбасса»)

Редактор *С. Л. Донбай*

Технический редактор *В. И. Труханова*

Оператор компьютерной верстки и корректор

А. Ф. Великанов

Автор проекта *С. Л. Донбай*

Подписано к печати 30.06.2004. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 4,7. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 300 экз. Заказ № 528.

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

E-mail: 582934@rambler.ru

22